

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration: 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 6/42

И Ю Н Ъ.

№ 6/42

СО Д Е Р А Ж И Н Е :

*** — Агония режима: удар по армии.

Гайдар Баммат — Еще о южных границах Кавказа.

Азадбей — Конец иллюзий.

В. Оленин — Развал коммунизма.

Тамбий Еленхоти — Военная мощь СССР и проблема национальностей.

З. Авалишвили — Вахтанг VI.

Шалва Амiredжиби — Чествуемый Пля Чавчавадзе.

Обзор Печати.

Вести с родины.

Хроника.

Библиография.

28 июня 1937 г.

АГОНИЯ РЕЖИМА: Впечатление, произведенное в Европе разстрелом главных начальников красной армии, огромно. Большинство газет возвращается к этому вопросу каждый день, на все лады стараясь аргументировать это для них непонятное и неожиданное явление. Оно им представляется каким то совершенным абсурдом, нелепым диссонансом, внезапно нарушившим тот стройный темп событий, который по их мнению налаживался в России.

Процесс шестнадцати в прошлом ав-

густе, кровавая расправа Сталина с такими испытанными и заслуженными большевиками, как Зиновьев и Каменев, вслед за тем осуждение в январе Радека, Сокольников, Пятакова, эта гибель сановников и вчерашних фаворитов — такие факты, казалось бы, чрезвычайные в своем значении не вызвали в свое время в широких кругах Европы, в особенности в кругах государственных, того впечатления, можно даже сказать испуга и замешательства, какие обнаружались сейчас при казни маршала Тухачевского и других военачальников.

А между тем для характеристики российской действительности, как с точки

зрения идеологической, так и реально-политической, те первые процессы были гораздо значительней и важнее. Они до самых глубин вскрыли всю лживую искусственность государственного построения Советской России, явив отчаянную картину полнейшего внутреннего разлада и развала власти. Столпы режима, творцы российского коммунизма, который продолжает именоваться основой всей деятельности внутри страны и остается руководящим стимулом международной политики, вдруг внезапно и безславно пали, каясь, как жалкие школьники. Мало сказать пали — объявлены такими преступниками, которых надо казнить немедленно.

А под ними пустое место. Страну, оказывается, ничто с ними не связывало. Только что хозяйничали, приказывали, своеволили, и вот вдруг сошли на нет, сами же отрекаясь от своих мнений, от своих дел. А ведь какие люди? Что такое, в сущности, маршал Тухачевский для всех событий российской революции, для самого бытия советского строя по сравнению с Каменевым, Радеком, Зиновьевым?

Казалось бы, эти процессы старых большевиков уже с полной наглядностью обнаружили, что в России на самом деле идет лишь один большой процесс глубокого государственно-общественного разложения, что жестокость видимой диктатуры лишь прикрывает отсутствие настоящей власти, что нет там ни бюрократии, ни суда, ни общественного мнения, ни какой либо сознательной идеологии ни у правящих, ни в народных массах. Обреченный режим, обреченная страна.

Но мираж 170-ти миллионов, но этот привычный старый призрак великой России, конечно, и тут появился на горизонте. Сознательно или бессознательно, обманывая или обманываясь, выдвинули, разумеется, его — этот мираж, этот призрак.

Все те, кто вообще старается вновь ввести Россию, хотя бы и советскую, как могущественный международный фактор, включить ее, как равноправного члена, в семью культурных народов и во все международные соглашения, только использовали эти казни старых большевиков, чтобы подчеркнуть, что Россия отрекается от коммунизма, переходя к нормальной государственной жизни, что Сталин дает новые директивы, опираясь на новые возникшие в стране, силы, прежде всего — на армию.

Партия разгромлена, старой сановной бюрократии нанесен смертельный удар, всюду идет смелая, решительная чистка, но среди всей этой сложной и порою кровавой работы — будто бы неприкосновенна и сильна красная армия — опора и гордость режима. Готовы были даже говорить, что это военные как раз и распоряжаются, что их вожди диктуют новую сталинскую политику.

И вдруг — ни с того, ни с сего, вопреки всем этим, как хотели думать, ясным и логическим построениям, вопреки всему тому, что твердилось за последнее время по поводу России — удар по этой самой армии, да еще какой удар! По ее наиболее компетентным и известным начальникам, по самым верхам, руководящим обороной границ и всей организацией этой главной государствен-

ной силы.

И эти люди, которым была вверена важнейшая функция страны, основа и опора режима, в каком то особо спешном порядке разстреливаются, как какие нибудь бандиты на месте преступления во время войны.

Оказывается, что это изменники и шпионы, уже предавшие свою родину тем сильным и страшным внешним врагам, против которых их уполномочили бороться.

Не наше дело разбираться в обвинениях. Да это и невозможно при советской юрисдикции. Но если, г.г. военачальники виновны, то что же это за армия, и какова ее боевая ценность? А если обвинения измышлены, тем более. Может ли власть так дискредитировать военное начальство, и какая после того возможна дисциплина? Кому верить? Кому повиноваться?

Все это ясно само собою. И вот что приковывает к себе внимание всего мира. Можно ли дальше говорить о какой либо ценности союза с Москвой, о ее участии в той или иной комбинации? Вся стройность прежних рассуждений сразу разрушена. Оказывается, что

в стране этой нет на самом деле и армии — той единственной еще нетронутой и, казалось, связующей силы, которая поддерживала всю государственность и объединяла народ.

В дальнейшем, разумеется, выяснится, что не существует и российского народа, а есть нелепый, насильственно созданный конгломерат многих миллионов разноплеменных людей, в громадном большинстве проклинающих свою судьбу.

Прав был покойный Пилсудский, предвидевший все это и категорически отвергавший всякую ориентацию на Москву, когда его старались этим соблазнить сторонники франко-советского пакта. В Германии тоже российскую действительность достаточно знают и понимают. Скоро поймут и уже начинают понимать и в Англии и во Франции. В этом отношении последние события действительно значительны.

Лично для нас необычайного тут ничего нет, — мы всегда только о том и говорили, что в московской государственности прочного нет ничего, что она неминуемо должна погибнуть и развалиться.

ЕЩЕ О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ КАВКАЗА Ниже, в «Обзоре Печати», читатели найдут статью г. Марджанишвили: «Кавказ», Кавказ и Турция». Статья эта, взятая нами из органа грузинских монархистов, «Картлоси», трактует о границах Кавказа с Турцией и не всегда правильно толкует наши цели и намерения.

Настроения, вернее, опасения г. Марджанишвили, к сожалению, не чужды довольно обширному кругу грузинских читателей.

Мы вынуждены поэтому вернуться к теме, которой в прошлом посвятили уже не мало статей.

Г. Марджанишвили правильно излагает наши мысли там, где он пишет, что

по нашему мнению кавказцы должны искренно и безоговорочно признать существующие границы с Турцией и Ираном.

Мы действительно считаем не только «лишним», но и вредным всякие споры о Карсе, Ардагане, Артвине... и об Иранском Азербейджане.

Одним из основных принципов здоровой кавказской политики, ставящей себе целью создание независимого Кавказского государства, должно быть решительное устранение всех недоразумений с нашими соседями на юге и установление самых тесных связей с ними. Из этой простой и бесспорной для нас предпосылки мы делаем неизбежные выводы. — Во-первых: никаких территориальных разногласий ни с Турцией, ни с Ираном. Мы окончательно и безповоротно признаем границы Кавказа, установленные Карским договором 1921 г. Во-вторых: мы самым категорическим образом отказываемся от всех актов и выступлений в прошлом, которые могли и могут еще дать нашим соседям основание думать, что у нас имеются явные или тайные виды на принадлежащие им в настоящее время территории.

В этом вопросе нужна максимальная ясность. Всякая недоговоренность чревата опасными последствиями и может грозить самому бытию Кавказской Конфедерации.

Г. Марджанишвили заявляет, что «дружба с Турцией никоим образом от нас не зависит».

Мы не разделяем этой точки зрения. Нам думается, что от нас очень зависит занять в отношении Турции такую позицию, которая могла бы внушить ей

доверие и симпатии к нашим политическим намерениям.

Надо честно и открыто сказать, что такой позиции кавказская политическая эмиграция, вне движения, олицетворяемого нашим журналом, к сожалению до сих пор не заняла.

Г. Марджанишвили, повидимому совершенно не помнит не только о враждебных Турции выступлениях грузинских меньшевиков во 2-м Интернационале и туркофобских писаний «Прометей», но даже июньской декларации 1921 года 4-х Кавказских республик, в которой официальные представители Азербейджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа формально требовали восстановления границ 1914 года.

Эта декларация, получившая широкую огласку была официально дезавуирована только Северо-Кавказской Делегацией.

Для Азербейджанской, Армянской и Грузинской «официальных» организаций, подписавших эту декларацию, она обязательна и по сей день.

Но и вне «официальных» или претендующих на официальность учреждений национальных республик Кавказа мы не знаем в эмиграции, опять конечно за исключением группы журнала «Кавказ», ни одной политической группировки, которая открыто отказалась бы от притязаний декларации 1921 года и не лелеяла секретных вожелений на расширение территории за счет нынешней Турции.

Думает ли г. Марджанишвили, что Авкара такую позицию кавказцев признает дружественной?

Мы полагаем, что такого «шила» в

мешке не утаишь и что в наших интересах как можно скорее занять в этом вопросе лойяльную позицию в отношении соседа, без благожелательности которого мы не можем осуществить своей независимости.

Такова весьма простая и четкая концепция «Кавказа», которую объективный читатель может найти уже в первом номере нашего журнала, — она красной нитью проходит через все наши писания.

Но есть одно недоразумение. Надемся, невольное. Оно в сущности и является центральным пунктом статьи г. Марджанишвили. Это то место, где он упоминает о Брест-Литовском договоре и приписывает нам намерение «подготовить почву для того, чтобы в новых условиях Турция снова смогла стащить лишний кусок грузинской территории».

Речь идет конечно о Батуме.

Если бы г. Марджанишвили дал себе труд безпристрастно и объективно перечитать все то, что за три с половиной года существования нашего журнала было нами написано по поводу наших взаимоотношений с Турцией — такой упрек вероятно не имел бы места.

Нигде и никогда мы не заявляли себя сторонниками Брест-Литовского договора.

Мы всегда имели и имеем в виду фактически существующие сейчас границы, ибо, да простится нам это повторение, здравый смысл подсказывает нам, что национальный Кавказ, кровно заинтересованный в дружбе и поддержке Турции, не должен претендовать на земли, которые признает за ней Советская Россия.

Что касается Батума, то г. Марджа-

нишвили может быть уверен, что судьба этого города нас не менее интересует, чем его самого. Правда, Батум в нашем представлении не столько кусочек грузинской территории, сколько важнейший порт общекавказского значения. В Батуме, являющемся выходом для бакинской нефти, Азербейджан не менее заинтересован, чем Грузия. — Батум единственный порт и для всего армянского гинтерлянда Кавказа... Однако доведем нашу мысль и в этом пункте до логического конца и признаем, что к Батуму тяготеют и обширные Карский — и Ардагано-Артвинский районы — и будущему национальному Кавказу вероятно придется установить с Турцией такой *modus vivendi*, который даст этим районам торговый выход к большому кавказскому порту. По нашему мнению это будет лишнее и немаловажное звено в цепи дружеских соглашений с южными соседями, которые призваны консолидировать Кавказскую Конфедерацию.

Гайдар Баммат.

P. S. — О Брест-Литовском договоре в пылу полемики с «Армяно Грузинским Унионом» вспомнил сотрудник «Кавказ Альманаги», г. Дарьял, статья которого, со ссылкой на источник, была воспроизведена в одном из прошлогодних номеров нашего журнала. Мы перечитали эту статью.

Смысл ее таков — что ни грузины, ни армяне не могут рассчитывать на то, что горцы и азербейджанцы станут защищать их притязания на территории, лежащие вне нынешних границ Кавказа. Едва ли у здравомыслящих грузин и армян могут быть какие нибудь иллюзии на этот счет.

Г. Б.

АЗАДБЕИ.

Конец иллюзий

СОБЫТИЯ, которые происходят сейчас в бывшей Российской империи, могут послужить серьезным предостережением для тех кругов или государственных деятелей Европы и Азии, которые питают некоторые иллюзии относительно солидности большевистского режима, военного могущества этой страны и ее боеспособности в случае нужды.

Уже тот факт, что в 1917 году русская «лошадь», вопреки ее внешней громадной фигуре, выдохлась, не доходя до финиша, должен был бы послужить уроком для тех европейских политических деятелей, которые склонны связать, некоторым образом, судьбу их народов с этой страной «неограниченных возможностей», с ее правителями, изолированными от управляемых, при национальном антагонизме — как следствии многоплеменности, с ее армией, хотя и многочисленной, но лишенной того необходимого цемента, который называется сознательным патриотизмом.

Но история повторяется...

Иностранный мир — равно как и сама читающая публика в СССР — под влиянием искусной и могучей большевистской и большевизанствующей пропаганды, давно уже привыкли слышать уверения относительно солидности сталинского режима, «ненарушимой дружбы» советских народов, «единства и железной дисциплины» правящей партии, готовности «миллионов» группироваться вокруг большевистской партии, этого «единственного проводника масс», отно-

сительно преданности армии режиму и «товарищу Сталину» и т. д., и т. д.

Но вот уже скоро 3 года как в этом царстве Сталина происходящие события, одни непредвиденнее других, приносят опровержение за опровержением этой черезчур простой манеры писать историю.

На самом деле, это «единство партии» является лишь пустым звуком. Сегодня мы присутствуем перед зрелищем как большевики грызут друг друга вокруг «идеологического» наследия Маркса-Ленина. Спорные мнения ликвидируются Наганами, партийные ссоры находят свое разрешение в подвалах Лубянки. Мы видели как тот или другой соратник «великого вождя», известный своей «беспредельной преданностью» к нему, вдруг оказывается организатором заговоров вкупе с «врагами народа» против «вождя пролетариата» И человек, который до вчерашнего дня был всесоветским фаворитом, чье имя фигурировало рядом с таковым «вождя», сегодня сходит со сцены с простреленным виском, преследуемый, затравленный, загрязненный, спешит сам покончить с жизнью, заранее уверенный в том, что «революционный суд» во главе с товарищем Вышинским и вопреки стараниям казенных защитников, дрожащих за свою шкуру, не рассмотрит его «преступления» с минимумом беспристрастия...

В своем желании «выкорчевать» то, что Сталин называет «троцкизмом»,

«вождь» сам внедрил глубокую ненависть к своей персоне в душе каждого партийца, который еще хранит кой-какие идеи марксо-ленинской доктрины. Тщетны усилия Сталина скомпрометировать «троцкизм», связывая его с «Гестапо» и «германо-японской диверсией». От марксистских идеологов не ускользает попытка Сталина перелистывать в обратную сторону марксистское евангелие, посредством того или другого казенного «теоретика», приставленного к Кремлю.

Таким образом, идеологические распри переплетаются с борьбой между главарями, все больше и больше углубляя атмосферу ненависти...

Дружба советских народов? Или, точнее говоря, дружба между угнетающим народом и угнетенными? Какой вздор! Только некоторые наивные иностранцы, не знакомые с реальностью, могут еще верить этим басням, усердно распускаемым кремлевскими политиками в известных целях. Происходящие сегодня массовые аресты на Кавказе, на Украине, в Туркестане, Приволжья и Сибири, могут явиться одним из признаков той неутомимой борьбы, которую ведут угнетаемые большевистской Россией народы с угнетателями. Аресты и преследования совершаются под разными фантастическими предлогами, но истину трудно скрывать, а она говорит о том, что все эти народы продолжают не только думать, но и работать для их раскрепощения от московского ига, и что в этом направлении местные коммунисты идут нога в ногу с «контр-революционными националистами». Как бы эти элементы ни были «большевиками», они видят опасность,

грозящую их странам, их народам от Москвы, которая под защитой демагогических фраз об «интернационализме», о «марксизме» и пр., грабит их материально и морально. Сколько бы они ни показали себя услужливыми по отношению к Москве, они не без того, чтобы не замечать всей руссификаторской тенденции и колонизаторской экспансии, которая захлестывает их страны, заполняет их города и против которой они не могут протестовать, без риска заполучить тюрьму, ссылку или даже расстрел, как «троцкист-националист». Они видят на собственных примерах, как Москва, используя их в своих целях и против их народов, не стесняется ничуть выкинуть их за борт, перемещать, загрязнить, играть ими, как пешками.

Вот почему сегодня мы присутствуем при картине массового сопротивления коммунистических элементов нерусских народов центростремительным тенденциям новой России, нашедшей в лице Сталина-Джугашвили своего нового варяга, своего нового Годунова...

Повторяем: никогда национальный антагонизм в СССР не был так остр, так силен, как сегодня. И сегодняшние правители России должны иметь в виду, что не устройством «декад узбекского или казакского искусства», ни составлением фиктивных конституций им не удастся разрешить этот злополучный вопрос, который называется проблемой национальностей.

Это обстоятельство не должно забываться западными государственными людьми, когда они захотят сделать более детальную оценку «русского колосса»...

Наконец, до сих пор нас уверяли с какой-то подозрительной настойчивостью, что «русская» армия, хорошо подготовленная и хорошо вооруженная, со своими замечательными военачальниками, стоит в стороне от партийных склок, вне политики. И вот неумолимая действительность наносит решительный удар так же этим оптимистическим или заинтересованным утверждениям. Впрочем, самое утверждение о том, что армия в СССР есть элемент аполитичный, покоилось на сплошном недоразумении. Как же можно было утверждать, что этот элемент, сама организация которого была основана на определенных политических целях, останется вне партийных склок или вне борьбы между законами? Сегодня, после 19 лет режима, большевики вынуждены вновь прибегнуть к первоначальной системе «армейских комиссаров», наличие которых в начале революции объяснялось недоверием, питаемым коммунистами к профессиональным военным. Теперь они вынуждены заставить подписать каждую бумагу, исходящую от командующих военными округами, еще двум другим членам, вновь установленных военных советов.

Каким образом этот акт явного недоверия может согласоваться с афишируемой преданностью военных вождей «великому Сталину», с «клятвой Сталину», с этим новым лозунгом, пущенным в ход тем или другим «подхалимом»?

Наконец, эта темная история с «маршалом Тухачевским» и 7-ю первоклассными генералами о которых большевистская пресса говорила еще недавно захлебываясь; самоубийство Гамарника, товарища комиссара Обороны — исто-

рия которая, несомненно, будет иметь последствия — не показывает ли она, что и во «фронте» армии открылась теперь такая же расщелина, которая существует на «фронте» партии, на «фронте» национальностей и друг?

Все эти события подтверждают лишь один раз, что всемогущество СССР — чисто показное, что на самом-то деле, весьма серьезная болезнь гложет эту страну. Что эволюция режима и его «солидность» — чисто поверхностная. И если такие пертурбации происходят в мирное время, то во что же они выльются в случае внешнего конфликта? Главное, пусть не говорят нам о том, что пресловутый «советский патриотизм» сумеет объединить эти враждебные друг другу элементы: русский мужик всегда проявлял некоторую апатию к слову «патриотизм», и мы знаем, что крестьянин из Пензы рассуждал несколько иначе, чем его согражданин из Тамбова; но речь идет не об одном лишь русском народе, есть и другие, угнетаемые, для которых доминирующая идея правящей партии или же господствующего народа является абсолютной противоположностью их собственных мыслей и чаяний.

Настал крайне серьезный момент, когда дальновидные и ясномыслящие политические деятели Европы должны относиться к «русской проблеме» с должным вниманием, дабы суметь выделить часть истины в тумане этого показного советского миража, выставляемого искусной пропагандой одних и заинтересованными услугами других.

И сделать из этого надлежащее заключение.

Азад бей.

В. ОЛЕНИН.

Развал коммунизма

СУБСИДИРУЯ коммунистические партии различных стран, Москва держит их в строгой дисциплине. Это тот формальный коммунизм, тот строго подчиненный Москве аппарат, который не может сделать ни одного самостоятельно-го движения и должен слепо повиноваться всем указаниям Москвы.

За последние годы в стране Советов произошли такие бытовые метаморфозы, что о действительном воплощении в жизнь доктрин коммунизма или социализма не может быть более и речи. Там господствует полная путаница бытовых взаимоотношений и совершенная неразбериха в понятиях — никто там теперь не знает, что такое правильно понятый социализм, как именно нужно подходить к тому или другому явлению, что именно говорить по каждому поводу, в ком видеть классового врага, как избежать «троцкизма», какому сановнику кадить и кланяться. То, что на сегодня поощряется и даже требуется, — завтра оказывается предательством и преступлением и может окончиться смертной казнью.

Идейно ориентироваться на Москву сейчас невозможно, а потому материально от нея зависимые коммунистические партии, под угрозой потери этих материальных ресурсов, обязаны лишь слепо повиноваться всем московским приказам, в свою очередь обусловленным российскими государственными задачами, как их понимает нынешняя Москва. Голосовать или не голосовать за военные кредиты, за правительство, дру-

жить или не дружить с клерикалами, что именно говорить на митинге — все эти вопросы, как и всякие другие, решаются не доктринально и не по собственной воле, а на основании последнего московского распоряжения.

Но как бы ни были в наш век продажны многие идеи и люди, все же, хотя бы уже потому, что всегда найдутся в этой среде обойденные и недовольные или же недостаточно оплаченные или, наоборот, вполне уже сытые помимо Москвы, так что выгоднее во всех отношениях сохранить «чистоту риз», — найдутся, конечно, люди, которые при таком положении вещей выступают с соответствующими разоблачениями: «Москва обманула, Москва обманывает, не верьте Москве!» Есть, наконец, и так сказать — личные мстители, неполадившие, пострадавшие, готовые показать свой кулак, в первую очередь, не европейским буржуям, а московским лжекоммунистам, «обманщикам пролетариата».

Если голоса эти были в начале одиноки и разрозненны, и не очень энергичны и тверды, потому что многое хотелось простить «смелому российскому опыту», то в настоящее время они уже составляют настолько большой и авторитетный хор, что можно с полным правом говорить о новой эпохе, в которую мы уже вступили: о развале и разложении мирового коммунизма.

Резко враждебная Сталину деятельность Троцкого общеизвестна, и надо

отдать справедливость, что несмотря на совершенную несоразмерность материальных сил Троцкому удалось и удается все более вносить существенный разлад в среду, сочувственных коммунизму масс пролетариата. Совершенно также левые идейные течения социализма, с коммунизмом почти смежные, все резче принуждены отходить от тех порою необъяснимых и незащитимых позиций, на которых поневоле приходится иногда стоять по приказу из Москвы коммунистам московского толка. Видные руководители рабочих синдикатов открыто теперь выступают, обличая московский обман, которому отнюдь не надо следовать в Европе. Мы уж не говорим об анархистах, потому что эти господа сами не знают, чего в сущности хотят и какому богу молятся.

Но авторитет Москвы во всяком случае пошатнулся за последнее время очень заметно и значительно. И самые чувствительные для него удары, подрывающие самую его международную базу, наносятся не справа, а слева — со стороны вчерашних друзей и попутчиков, со стороны порою очень влиятельных руководителей организованного пролетариата, энергичных и деятельных его делегатов или же профессиональных международных революционеров.

Глава английских рабочих синдикатов сэр Вальтер Ситрин не постеснялся после поездки в Россию «в поисках истины», открыто заявить, что пролетариату живется там неизмеримо хуже, чем в странах частного капитализма, и те же выводы, еще резче, подчеркнул секретарь организации северо-французских шахтеров Клебер Леге.

Целый ряд европейских и амери-

канских коммунистов, в свое время побывавших в России делегатами и очарованных тогда оказанным им приемом, теперь, после нескольких лет работы «в пролетарском раю», куда они отправились по собственной охоте и потом не знали, как выбраться, побывав и в тюрьмах и потеряв все сбережения, — целый длинный ряд этих глубоко разочаровавшихся и излеченных от большевизма людей выступает теперь с беспощадным разоблачением трагического для них обмана.

В этом отношении, как характерный и типичный образец, как яркий стереотип всех этих настроений, примечателен мистер Андрию Смит, в свое время один из деятельнейших членов коммунистической партии Соед. Штатов, который, вырвавшись, наконец, из Советской России, дает такую характеристику этому российскому коммунизму: «все зло, против которого я боролся у себя в Америке, я нашел тут прочно утвердившимся в самой отвратительной и грубой форме». И когда после долгих мытарств он с женой попал в Польшу, то радостно воскликнул: «исчезли, наконец, отрепья и грязь того другого мира, полного горя и слез, — наконец то мы освобождены!».

Симпатичный, искренний француз Мерио — еще недавно энергичный и видный коммунист, горнорабочий. Он ринулся в Советскую Россию со всем экстазом веры и поклонения. Он вырвался оттуда через полтора года, хорошо рассмотрев и поняв очень многое. И он открыто признает, что Россия управляется бюрократической системой, худшей изо всех, и что покорных Москве иностранных коммунистов Сталин

считает лишь орудием своей внешней политики. Но мало того — он вообще понял, что марксизма воплотить в жизнь нельзя, потому что это отрицание главного жизненного стимула — индивидуального интереса. Таких свидетельств можно привести очень много, и все они, в общем друг друга повторяют.

Но вот человек, далеко не такой непосредственный, с хорошим стажем профессионального революционера, — это Анри Гильбо — сподвижник Ленина, приговоренный заочно французским судом к смертной казни, во время войны, участник всех съездов 3-го интернационала, игравший при Ленине известную роль в Кремле в первые годы большевизма. Теперь вышла его книга «Конец советов» с подзаголовком: «Вырождение и кровавое разжижение преступного мощничества». Кажется, достаточно сильно сказано. Содержание соответствует этой вывеске. Гильбо совершенно разочарован в коммунизме, критикует решительно всех его деятелей, а для нынешней его формы, для так называемого «сталинизма» прибегает самые отборные слова осуждения. По сравнению с его отзывами уклончивая критика Анри Жида, тем не менее столь возмущившая Москву и для нея чувствительная, поистине кажется жидкой.

Интереснее в своих подробных оценках другой известный международный революционер — Кибальчич, которого знают в Европе под его профессиональным псевдонимом — Виктор Серж. Левый коммунист анархического оттенка, он, разумеется, как большинство ему подобных, ринулся в Россию после большевизмской революции и, что-то такое там

делал, играя какую-то роль в осуществлении «российского опыта». Кончилось тем, что Сталин его арестовал и с большим трудом выпустил из России после целого ряда резолюций, митингов и протестов в Париже и в Брюсселе.

Многое видел он за долгие годы в России и теперь с беспощадной мстительностью изобличает. Положенье рабочих нестерпимо, — в смысле питания, одежды, жилища — значительно хуже, чем до революции. Он делает интересные статистические вычисления: чтобы французскому чернорабочему купить кило масла, надо работать 130 минут, а в Советской России — 1584 минуты, — такова точная пропорция. Пьянство распространено невероятно. Нищета порождает проституцию — тайную или явную, вопреки всяким запретам. Имущественное неравенство бросается в глаза. Жирные, разодетые женщины, под руку с летчиками, со всякими администраторами и привилегированными, надменно проходят мимо грязных и нищих ребяташек, стонущих от голода. От 80 до 90 проц. населения живет в самых примитивных условиях, в постоянной нужде и лишениях, жадно хватаясь за всякий незаконный доход, грозящий судом и разстрелом.

О нравах молодежи читатели «Кавказа» хорошо осведомлены по обстоятельным статьям «Проблема очага и семьи в СССР». Все это в полной мере подтверждает Кибальчич. Духовная жизнь иззякла и омертвела. Крестьянство определенно враждебно власти и проявляет это в постоянных нападениях на местных «бюрократов». То непонятная автомобильная катастрофа, то попросту проломленный череп где-нибудь

по пути следования или в темноте за углом дома.

Никакой, разумеется, свободы мысли нет и в помине, а потому не может быть никаких идейных движений, ни науки, ни искусства. Есть ли довольные? Да, необходимое режиму привилегированное меньшинство, поощряемое, сытое, — всего в общей сложности миллионов до десяти, но и эти не представляют чего-либо сплоченного и цельного, а всечаски рвут друг у друга добычу и дрожат за свой завтрашний день. Такова подлинная картина российской действительности, бытовая обстановка «отечества трудящихся» в изложении старого испытанного революционера, все дело своей жизни посвятившего задачам мирового коммунизма.

Когда полтора года назад я начал на страницах «Кавказа» ряд своих очерков под общим заглавием «Великий всероссийский обман», — такая оценка советской действительности еще для многих казалась спорной и далеко не доказанной. Теперь она почти примелькалась, — об этом говорят, как о чем то известном, и доказывать приходится уже обратное, когда подчиненные Москве лидеры платного коммунизма берутся за ее реабилитацию. Но их задача становится все труднее, — им не верят.

Надо отдать справедливость, что за последнее время Москва как будто бы нарочно сама рубит и разрывает все идейные связи с тем течением, которое она якобы возглавляет. Иностранцы паломники, попавшие в эту Мекку коммунизма, переживают там самые черные дни своего существования. Их не только не ставят ни в грош, но арестовывают и ликвидируют запросто. Сталин

довел свое циничное отношение к людям до последних пределов: коммунисты — это те, кто за плату выполняют, когда мне нужно и где мне нужно, любые мои приказания, а всех остальных к черту!

Само собою разумеется, что и вся та административная «чехарда»*), которая сейчас идет в России, не может не подрывать московского авторитета и невольно озадачивает самых правоверных сторонников и покорных слуг Москвы. От кого получать приказания? С кем сговариваться? Чьим именем оно отдано? И долго ли еще это имя сохранит свой вес? Наконец, главный вопрос: будут ли платить и дальше?

Сейчас уже можно с полным правом искреннего убеждения говорить о серьезном развале коммунизма, о большой растерянности в этой среде, о все большей и большей очевидности для всех чудовищного российского обмана.

-

Разгром и разстрел самых видных вождей красной армии во главе с маршалом Тухачевским — это, конечно, факт огромного политического значения. Мы сейчас оставляем в стороне оценку внутреннего положения в России и шансы борющихся сторон, — важно отметить, насколько это подрывает доверие к пресловутой военной мощи Советов. Пусть коммунистическая парижская «Юманитэ», а вслед за нею и Пертинакс в составе новой редакции «Эко де Пари» пытаются доказывать, что от этого армия станет еще сильнее, — нелепость и предвзятость таких мнений для всех очевидны. Что же это за армия, где все главные начальники могут

быть вдруг обвинены в государственной измене и шпионаже, в подготовке поражения? А ведь эту официальную версию приходится поддерживать. Но пусть она измышлена, — каков все же может быть авторитет начальников, которых вот так хватают и расстреливают, и где среди них вожди истинные и верные? Компетентные в военном деле? Ведь Тухачевский как раз и считался самым подготовленным, самым надежным. Сколько писали о его знаниях, опыте, железной воле, когда он приезжал сюда во Францию в те легковерные дни первого взаимного сближения. Нет, те-

перь настроение уже не то, — большое подозрение вызывает эта странная армия, большое к себе недоверие, к своим обезславленным вождям, которыми, как хочет, играет какой то нелепый произвол безумной, подрывающей себя диктатуры. Неблагополучно в стране Советов.

В. Оленин.

*) Так называли быструю смену сановников в предреволюционном Петербурге. Аналогия знаменательна, но конечно — тогда сменяли все же не так быстро, да и не всех сразу, как теперь, — к тому же и судьба сменяемых была не столь таинственной и трагичной.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Военная „мощь“ СССР и проблема национальностей

ВРЕМЯ от времени в европейской, а в частности во французской печати много внимания уделяется роли и значению СССР в международной игре. Можно сказать, что большинство авторов, пишущих о советской России, сходятся на том, что Советы — могущественная военная держава, союз с которой является с одной стороны гарантией мира в Европе, а с другой — в случае нарушения мира в какомнибудь пункте Европы союз с Советами чуть ли не обезпечивает победы над противником. Эта идеология особенно культивируется во влиятельной части французской прессы. Последняя внедряет в сознание французского народа уверенность, что Россия со 170 миллионами населения — не-

исчерпаемый запас пушечного мяса и в случае надобности может мобилизовать армию в несколько миллионов. Страна будто бы уже индустриализована или индустриализируется. Богата огромными базами сырья, необходимого для снабжения военной промышленности и что при любой атаке с какой бы то ни было стороны или даже одновременном нападении с разных сторон 170-миллионная Россия может отразить все атаки — ибо де армия независима от иностранного рынка.

Все эти представления о мощи Советского Союза, преподносимые европейскому миру, а в особенности французам, требуют некоторых замечаний, ибо такое понятие о силе и могуществе

СССР не соответствует действительности и свидетельствует о полном непонимании иностранцами того, что представляет из себя Советский Союз.

По мнению большинства этих иностранных осведомителей, политикой Москвы руководят три опасности, угрожающие Советскому Союзу. Опасность со стороны Японии, Германии и наконец внутренне недовольство режимом Сталина. Нельзя, конечно, не согласиться с наличием этих опасностей и большевики делают многое, чтобы отвести их от себя. Главное, однако, заключается в другом. В предыдущей своей статье в журнале «Кавказ» мы указывали на то, какое беспокойство вызывает в Москве политическое положение на Кавказе, Украине и в Туркестане. Внешняя опасность Советскому Союзу усложняется положением не в России-Московии, а в национальных республиках и национальных областях. Конечно, это тоже внутреннее положение в СССР, однако, нужно заметить, что в характере и природе этого внутреннего кризиса в СССР совершенно не разбираются в Европе, а отчасти даже в эмигрантских кругах.

Само собой разумеется, это действительно так, когда говорят об оппозиции в России сталинскому режиму. Но нужно иметь в виду, что оппозиция сталинскому режиму в России есть дело чисто русское — внутри русское явление, и цели этой оппозиции ограничиваются соответствующей переменной режима. В момент опасности русский спор о режиме может отойти на задний план.

Совершенно другой характер имеет «оппозиция» на Кавказе, Украине, Туркестане и в др. национальных краях.

Здесь существует не оппозиция, а борьба, и борьба не со Сталиным только, а с Россией, с Москвией, насильственно захватившей эти народы. Для Кавказа, Украины, Туркестана и др. совершенно безразлично, какой режим будет в Москве, режим ли Сталина или Ворошилова или Миллюкова. Все они насильственные захватчики наших стран. Здесь идет борьба самая активная за отделение от Москвы и осуществление политической и государственной независимости.

Что же представляют из себя народы, стремящиеся к политической независимости? — Это Украина, Кавказ, Туркестан, Иден-Уральские народности, калмыки, Доно-Кубанское казачество — с населением в общей сложности составляющим ровно 50% всего населения. Если же принять во внимание монгольские племена Сибири и Дальнего Востока и автономистские стремления русской части сибирского населения, то оказывается, что господствующая нация в СССР — великороссы — являются меньшинством по отношению ко всем остальным народностям Союза. Эту многомиллионную массу, ничего общего не имеющую с русской народностью, представляли до последнего времени в Европе, как единую с русскими нацию с единой волей, единым языком, единой культурой и т. д. Что, как известно, совершенно не соответствует реальной действительности.

Сделав эту предпосылку, мы теперь разберем, насколько велико военное могущество СССР.

Принимая во внимание, что организация чего бы-то ни было на таком огромном пространстве, как территория СССР — представляет огромные трудно-

сти, а дело организации снабжения и транспорта в особенности трудно, большевики создали особую независимую армию на Дальнем Востоке. Идея несомненно правильная, ибо никакие расчеты на снабжение из Москвы и быструю переброску сил на Дальневосточный театр войны не оправдали бы себя. Сибирь и Дальний Восток богаты всем необходимым и эти далекие окраины Москвы могли бы действительно существовать, как независимые государства. Эту способность Сибири и Дальнего Востока на независимое политическое существование Москва подтвердила фактом создания независимой Дальневосточной армии, и предоставлением местному населению значительного права на самоуправление, а также отменив целый ряд ограничений местных крестьян. В распоряжение Блюхера предоставлены лучшие кадры командного состава и сам Блюхер облечен неограниченной властью над всей этой громадной территорией. Иначе говоря, создано настоящее государство в государстве, совсем не похожее на другие советские республики.

Независимая, как говорят, трехсоттысячная армия Блюхера имеет все кроме одного. Она не имеет тыла, так необходимого для всякой действующей армии. В современной войне, как это мы видели в минувшую великую войну, армия и тыл, т. е. народ должны составлять одно целое, как одно тело. Тыл Дальневосточной армии находится в Европе — в Московии. Сибирские и дальневосточные народности в значительной части монгольской расы, не могут рассматриваться тем тылом для Блюхера, с которым бы армия его составила одно целое. К этому нужно добавить, что рус-

ская пресса всех направлений не раз сообщала сведения о наличии даже среди русского населения Дальнего Востока групп ждущих своего избавления от советского ига с помощью японцев. При таком положении вещей боеспособность Блюхера, а в особенности на ведение длительной войны становится проблематичной.

Таким образом юридически «независимая» армия Блюхера является весьма зависимой от тех или иных политических настроений сибирских и дальневосточных монголов и русской части населения, которые далеко не созвучны настроениям Москвы.

Не меньше забот доставляет Москве и положение Европы. Основательно или нет, но в Москве вызывают серьезное беспокойство отношения с национал-социалистической Германией. Беспокойство это значительно большее, чем можно предполагать и для этого имеются серьезные причины внутреннего порядка.

В прошлой статье мы уже имели случай обратить внимание читателя, что красная армия целиком и исключительно зависит от украинского хлеба и железа и кавказской нефти. Без этих продуктов нельзя себе представить ни войны, ни армии. В этом отношении, как мы и говорили, русская армия зависит от Украины, Кавказа, Туркестана и хлебобородных казачьих областей Дона и Кубани.

Население этих советских республик, составляющее 50% общего населения СССР, стремится какой бы то ни было ценой отделиться от Москвы и создать независимые государства: Украину, Кав-

каз, Туркестан и казачьи земли. На пространстве территорий Украины, Кавказа и Туркестана загадки нет, нет и вопросительного знака. Здесь советская армия тыла не имеет и не сможет никого и мобилизовать.

Таким образом доминирующей опасностью для Москвы являются не только угрозы из вне и оппозиция сталинскому режиму внутри России, но еще больше националистские и сепаратистские устремления многомиллионных не русских национальностей, единодушно стремящихся к полной политической независимости. Значение этой «оппозиции» выростает в серьезную силу, если принять во внимание, что все необходимое для ведения войны находится на территории этих народностей. Сознвая опасность, угрожающую со стороны Украины, Кавказа и Туркестана, Москва делает нечеловеческие усилия, чтобы отвратить опасность, грозящую ей из Западной Европы.

==

Передо мной лежит огромная кипа иностранных газет. Удивляешься тому, что национальная проблема в СССР не привлекает ничьего внимания. Безконечное множество статей, помещенных в разных органах французской печати по поводу франко-советского пакта, оценивают значение его с точки зрения военной и удивительно, что говоря о военном значении пакта никто не подумал о внутреннем положении СССР, как будто бы армия ничего общего не имеет со своим народом. И сторонники и противники пакта в своих суждениях исходят из того, что СССР — великая держава со 170 миллионами населения и на этом

ставят точку. Даже депутат Аршембо, в предыдущей палате, бывший докладчиком по франко-советскому пакту, высказался за заключение пакта, хотя боеспособность красной армии он признал ниже бывшей царской армии. Он был подавлен цифрой 170 миллионов населения.

Вопросы же о том, откуда истекает главная опасность, вопрос о базах сырья для ведения войны, где они находятся, и что представляют из себя 170 миллионов населения, производящие магическое действие на воображение иностранцев, каковы aspirations этих 170 миллионов — этих фундаментальных вопросов с точки зрения военной ни один иностранный публицист и политик себе не поставил. Остается предположить, что эти важнейшие вопросы оставлены в тени либо умышленно, либо по неведению.

За то советское правительство прекрасно отдаст себе отчет во всех этих проблемах, поэтому целью советского правительства является какой бы то ни было ценой отвратить опасность военного столкновения с кем бы то ни было, не только с такими военными колоссами, как Япония и Германия, но даже с маленькими соседними странами, делая для этого политику уступок. Стремлением во что бы то ни стало отвратить всякую военную опасность было продиктовано и вступление Советов в Лигу Наций, и заключение франко-советского пакта и пакта с Чехословакией, а также молчаливое соглашение с Румынией, которая как будто бы теперь спокойна за судьбу Бессарабии. Одновременно Москва принимает и другие меры для отвращения германской опасности.

Она сильно надеялась, что испанская смута может разыграться в нечто более крупное, что оттянуло бы внимание от Москвы, и в этом смысле действовала по началу, оставив за собой в комитете о невмешательстве свободу действий, но потом пришлось отступить — испанская междоусобица не разворачивается пока что в европейскую войну.

Вся западно - европейская политика Советов свидетельствует, что Москва была бы счастлива направить германскую опасность против ее непосредственных соседей. Перед нами «Известия» от 5 мая со статьей, посвященной франко - советскому пакту. По мнению московской газеты «война начнется там, где агрессор будет видеть линию наименьшего сопротивления. На наших границах этой линии наименьшего сопротивления он не найдет»... — «Линия организации мира была линией Барту и Поль Бонкура. Однако, по этой линии французская политика не пошла. В результате мир в Европе покоится на соотношении вооружений и попытках итти на сделку с агрессором»... — Обстоятельство, в котором московская газета видит большую ошибку со стороны западных держав. Иначе говоря, «Известия» полагают, что никаких попыток к сповору с этим возможным «агрессором» не должно делать, а надо говорить с ним языком пушек. Комментарии излишни.

Мы полагаем, что «агрессор» идет не по линии наименьшего сопротивления, а туда, куда повелевают цели войны. Всякая война всегда преследует определенную цель. Цели политические, экономические или территориальные. «Агрессору», которого очевидно имеет в виду статья «Известий», ради этих целей на За-

паде как будто бы делать нечего, да и линия наименьшего сопротивления вряд ли находится на Западе. Бравурная статья «Известий» скорее производит впечатление обратное тому, которое хотелось бы автору.

Красная армия не так могущественна, как о ней говорят в Москве или среди заграничных друзей. Армия эта и здесь без тыла, как армия Блюхера на Дальнем Востоке.

—

Есть круги, которые склонны думать, что Советская Россия является одним из факторов мира. Может быть это было бы так, если бы Советская Россия представляла из себя свободное объединение независимых народов, как например, объединение Англии с ее доминионами. Всем, в общем, известна конституция Британской империи, — достаточно, сказать, что доминионы имеют право вести свою иностранную политику и даже право объявления войны. Совсем другое представляет Советская Россия. Национальности СССР ничего общего не имеют ни по языку, ни по расе, ни по религии, ни по культуре с господствующей русской народностью. Они были Москвой присоединены насильственно, насильственно же, под страхом штыков, удерживаются в повиновении и теперь. К этому нужно добавить, что многие из этих национальностей в культурно-бытовом отношении стояли и продолжают стоять значительно выше русского элемента. За время же революции господствующая русская нация утеряла и то превосходство, которое она имела над некоторыми из покоренных народов. Объясняется это разлагающим влия-

нием большевизма и его разрушительной силой. В национальных же республиках, как на Кавказе, Украине, Туркестане и в др., благодаря вековому укладу жизни и морально-бытовой структуре большевизма не прияти и с его разрушительным влиянием здесь ни когда не переставали бороться.

Таким образом борьба в этих национальных республиках преследует двоякую цель: с одной стороны с большевизмом, не признающим ни домашнего очага, ни религии, ни права крестьянина на его труд, а с другой и главным образом за отделение от России и осуществление своей политической и государственной независимости. Другьям Советской России, ждущим от 17-миллионного населения спасительной помощи, следовало бы иметь в виду именно это внутреннее положение в Советском Союзе.

Высокопоставленные иностранцы, приезжающие в Москву, вводят в заблуждение свое общество, когда о Советской России судят по московским парадом и пышным банкетам с икрой. В этой обстановке невозможно заметить на каком пороховом погребе живет Советский Союз. Отсюда не трудно понять, насколько глубоко заблуждение тех иностранцев, которые думают, что, заключая союз с Москвой, они приобретают союз 170-миллионного народа. Такого народа на Востоке Европы вообще нет; а большая часть этого населения только и ждет своего освобождения и готова для этого воспользоваться первым же удобным случаем.

Во всяком случае с полным основанием можно утверждать, что ни Украина, ни Кавказ, ни Туркестан, ни тюрко-

татарские народы, ни казачество Дона и Кубани за Москвой не пойдут. Они займутся своими собственными делами. Вот это важнейшее обстоятельство по нашему мнению осталось вне наблюдения всех тех иностранцев, которые когда либо посетили Советскую Россию.

Иностранцы наблюдатели России, а так же подавляющее большинство русских не уяснили себе целей великой восточно-европейской революции. Мы говорим не русской революции, а восточно-европейской, ибо эта революция сделана и делается не одним русским народом, а более чем 150 народами, населяющими Вост. Европу, Сибирь и переднюю Азию.

Цели революции в зависимости от социального, политического и культурного уровня той или иной народности были совершенно различны, но всем было по пути, пока разрушалась старая императорская власть и связь.

Понятие о «свободе, равенстве и братстве», данное человечеству великой французской революцией, было идеалом и остается идеалом и сегодня для русского народа. Для поработенных же Россией народов лозунг этот без содержания, так как здесь эта хартия личности была бытом народа. Революция здесь ставила другие задачи, а именно осуществление идеи «равенства всех народов». Вот почему Москва вынуждена была «пойти на уступки этим требованиям, создав на развалинах прежней империи союз советских республик. Вскоре, однако, обнаружилось, что большевики обманули. Советские республики — только на бумаге, не имея ни какой власти на местах. Таким образом революция продолжается. Продолжается борьба

ба порабощенных Москвой народов за свою политическую и государственную независимость.

Идея равноправия всех народов — едва ли не единственная, составляющая сущность и цели, поставленные перед миром великой восточно - европейской революцией. К сожалению политическая мысль Европы почти не обращает на это никакого внимания. Между тем право народов России на самоопределение — это могущественный фактор нашей европейской современности. В различии понимания этого фактора кроется разнохарактерность позиций, занятых державами Европы по отношению к московской власти. Нет силы, способной заглушить национальное чувство среди народов СССР, и если вникнуть

в положение национальной проблемы в СССР, то перед глазами наблюдателя и мощь Сов. России и боеспособность красной армии предстанут в совершенно ином свете. Неожиданно может случиться, что в дальнейших судьбах Европы голос угнетенных в России народов будет иметь свое значительное место. Москва это прекрасно понимает и отсюда проистекает и тот нервный страх, который охватывает Москву и некоторые эмигрантские круги при мысли столкновения с Японией или Германией, а мы добавим, что страх этот охватывает Москву при мысли о возможности столкновения даже с самой маленькой пограничной державой.

Тамбий Елекхоти..

3. АВАЛИШВИЛИ.

О Вахтанге VI законодателе

(1737—1937).

ДВА столетия прошло со времени смерти грузинского царя Вахтанга VI (25 марта 1737 г.), и годовщина эта дает повод вспомнить об этом замечательном человеке, о делах его и успехах, а также о печальном конце его политической карьеры. Оглянемся, поэтому, заодно и на причину этой неудачи, на кризис, вызванный на Кавказе известным персидским походом Петра Великого в 1722 г. и ответным наступлением Турции на Восточную Грузию и Ширван в 1723 г.

Умер Вахтанг в Астрахани и погребен в кафедральном соборе этого города, прославленного икрой и «звеньями рыбы астраханской», по слову Державина, но еще больше значением своим, как базы каспийской, персидской и кавказской политики Российской Империи тех времен. В частности, гробницы Вахтанга VI и зятя его, Теймураза II (отца Ираклия II) являются в этом преддверии восточного Кавказа скорбными памятниками неосуществленных надежд и обманутых ожиданий.

Однако, унылое, огорченное существование Вахтанга в России, начиная с 1725 года, до смерти в 1737 г., сравнительно менее интересная часть его жизни. Огорчения его не в России начались. К тому же, принят он был в этой стране, надо сказать, с подобающею честью и немалым гостеприимством. Все же, со дня перехода его летом 1725 г. из Имеретии в Кабарду к свойственникам своим на Северном Кавказе (женат он был на дочери владетеля из рода Мисостова), политическая жизнь его была разбита, хотя порою и мерещилась ему возможность возврата на родину.

К счастью и к славе его, в недолгие годы своей правительственной деятельности в Грузии, он успел, благодаря большим своим дарованиям в области дел мирного строительства, оставить по себе след, обезпечивший ему бессмертие. Так, имя его прочно связано с известным Уложением царя Вахтанга, сводным памятником законодательства, имевшим практическое значение еще и во второй половине 19-го века. Давно уже привлекавший внимание ученых, — еще в 20-ых годах прошлого столетия решено было напечатать в Париже французский его перевод, изготовленный Броссе; революция 1830 года помешала этому — сборник Вахтанга дал материал для ряда исследований, а теперь изучается надлежащим образом, например, во Франции, где страсбургским ученым Карстом предпринято многотомное издание, посвященное кодексу Вахтанга, а также так называемому обычному праву кавказских горцев. Предприятие это уже частью и осуществлено.

Вахтангом же издан другой важный сборник — кодификация правил, при-

менявшихся в различных отраслях управления — именуемый Дагурламали, дающий интересную картину хозяйства, администрации страны, дворцового быта и пр.

Большим, героическим делом в трудных условиях того времени было учреждение Вахтангом в Тифлисе типографии около 1709 года — так поздно сравнительно с Европой, но, оказалось слишком еще рано по местным обстоятельствам. Типография эта очень скоро подверглась уничтожению. Ираклию II в середине 18-го века пришлось ее возобновлять.

Может показаться удивительным, что первым печатником Грузии, был угровлахский, т. е. трансильванский мастер, присланный Вахтангу валахским господарем Бранкованом (едва ли не отдаленным родственником французской поэтессы румынского происхождения, графини де Ноай). Это было, однако, по адресу Грузии лишь ответной любезностью или, скорее, частичною уплатою долга. Названный мастер, Михаил Иштванович, был в свою очередь учеником знаменитого в истории Румынии деятеля, архиепископа Валахии Анфима Ивера (Ивернанул), т. е. грузина, — большого специалиста и деятеля как раз в области книгопечатания, в частности, также и для духовных нужд арабов - христиан на Востоке. Печатание арабскими буквами, им начертанными, считается даже особою заслугою Анфима. Ему же, в лице подготовленных им мастеров, вместе с Вахтангом, принадлежит поэтому и честь напечатания в Тифлисе, впервые в 1709 году, грузинского евангелия.

В 1712 году типографский станок воспроизвел **Носящего барсову кожу**

Руставели. Издание поэмы было личным делом Вахтанга, притом делом значительным. Показано было предназначение печати служить не только нуждам церкви, но и потребностям вольного светского просвещения. А также, сохранен был, благодаря напечатанию, хороший текст поэмы, которым пользовался Вахтанг и редакторы издания. Текст этот до настоящего времени является основным, все позднейшие издатели прославленной поэмы — а список их все удлиняется — вынуждены с ним, прежде всего, считаться, несмотря на наличие более старых рукописных редакций.

Но истории грузинской литературы Вахтанг принадлежит, не только как издатель главного ее памятника, но еще как участник, совместно с другими, в переводе с персидского известной книги Калила и Димна, имевшего международное значение сборника басен и рассказов, происхождением из Индии, и как самостоятельный поэт.

Не чрезмерны ли были, однако, чисто личные литературные увлечения Вахтанга для человека, призванного повелевать и действовать, особенно при опасном соседстве разрушительных сил и в условиях, вообще, крайне неустойчивого политического равновесия великих держав вокруг Кавказа?

Значительным оказалось, по плодам принесенным позже для научной истории не одной Грузии, а также питавшим грузинское национальное сознание, еще и другое начинание Вахтанга — приведение в известность и, отчасти, в порядок древних грузинских исторических хроник и составление к ним компилятивного продолжения до конца 17-го века. Собственно, сборник исторических па-

мятников, известный под именем **Жизни Грузии**, существовал задолго до Вахтанга, но по различным причинам, о которых было бы лишнее здесь упоминать, в некоторых кругах вне Грузии сложилась нелепая мысль, ставшая затем предрасудком, о составлении, будто бы, при Вахтанге самой сводной грузинской хроники.

В известном смысле, однако, Вахтанг оказался кодификатором не только законов и административных распоряжений своей страны, но также и унаследованных от прошлого памятников ее исторической литературы.

Упомянем также о сделанных Вахтангом с персидского переводах из области астрономии и космографии (трактат знаменитого Улуг-бега, тимурида XV-го века и др.). В предисловии к напечатанной в Тифлисе в 1721 г. космографии, грузинский царь говорит о многократных раззорениях Грузии, об упадке в ней научных знаний и о желании своем подействовать «философствованиям» и на грузинском языке.

Чрезвычайная энергия, обнаруженная Вахтангом в разнообразных областях дала повод очень давно — к сопоставлению ее с деятельностью Петра I-го (Бутков). Не было бы ничего удивительного, если бы преобразовательная деятельность реформатора России произвела впечатление и на Вахтанга. В России проживал тогда и был свидетелем нового курса родной его дядя, искуснейший грузинский поэт Арчил, в свое время легко и не раз занимавший и с той же легкостью, так же часто терявший престол то Имеретии, то Кахетии, а затем поселившийся в Москве. Сын этого Арчила, Александр, двоюрод-

ный брат Вахтанга, был и прямым соратником Петра Великого, соратником, надо признать, незадачливым. Был он первым российским «фельдцейхмейстером», начальником артиллерии, и взят был, вместе с нею, в плен шведами под Нарвою в 1700 г. (он и умер в плену).

Несмотря на эти связи, ни малейшего отголоска происшедшая в России крутая ломка старых порядков к югу от кавказских гор тогда не нашла, и самый намек на такой отголосок является чистым недоразумением. Едва ли можно даже назвать Вахтанга, вообще, преобразователем. Он скорее подводил итоги, старался закрепить или возстановить достигнутое; идеал же его был, конечно, в прошлом, т. е. в старом грузинском царстве, одновременно восточном и христианском. Восток, христианский и мусульманский, был единственным источником знания и просвещения ему доступным, этого знания он желал своей стране, но было оно уже застывшим в непререкаемых, как бы окаменевших формах.

К Персии, к Испагану Сефевидов его привязывала вековая традиция, вековой расчет династии, которой он был отпрыском. Отталкивала, с другой стороны, унизительная необходимость, в угоду владыкам и ханжам Ирана, отречься от христианства и превращаться в мусульман-шиитов. Могущество Сефевидов было тогда на явном ущербе; но оно было пока еще близким и мнилось ему действительным. Как другие, и Вахтанг оказался вынужденным, после долгого упорства и внутренней борьбы (было в нем, кажется, что то от Гамлета), временно и наружно отпасть от христианства и назваться Гуссейн-кули-

ханом. Именовался он, к тому же, главнокомандующим войск Ирана, как до него дядя его Георгий, в мусульманстве Шах-наваз и Гюргин-хан, посланный управлять мятежную афганскую окраину Ирана и погибший в 1709 г. в Кандагаре.

Как выйти из заколдованного круга, как обезпечить себе преимущества царского положения, а своей стране спокойствие и просвещение без подчинения гнету иноземной, притом иноверной державы? Вопрос казался неразрешимым. Известное посольство в Европе Сулхана (в иночестве Саввы) Орбелиани, большого литератора и ученого, в 1713-14 г.г. могло только подтвердить такое впечатление.

Основательную, казалось, надежду нес с собою персидский поход Петра Великого (1722 г.). Но и эта надежда скоро была обманута. Условлено было, перепискою и переговорами, что Вахтанг во главе грузинских и, вообще, местных христианских войск будет действовать за-одно с российским экспедиционным корпусом, что они соединятся в Шемахе. Что же вышло из этого плана? Петр оказался вынужденным вернуться из Дербента обратно в Россию уже осенью того же 1722 г. Вторжение в кавказские пределы русской армии, захват Баку, устья Куры, Гиляна и других прикаспийских провинций Ирана повлекли за собою такую же интервенцию турецкую; а вследствие полного, и, как думали, длительного паралича, постигшего Персию, оба интервента «за благо рассудили» просто-напросто поделить между собою восточный Кавказ и персидские провинции, наиболее им приходившиеся по вкусу. Вахтанг же предпо-

чел лично, вообще, сложить оружие. Через некоторое время он выбрался на Северный Кавказ, причем с ним и с его семьей вышла из Грузии многочисленная свита, не мало князей, дворян, духовных лиц и т. д., всего свыше 1.000, говорят, до 1.500 человек.

Интересен, конечно, и самый этот исход, и дальнейшая судьба тогдашних выходцев из Грузии в Россию. Мы не собираемся, однако, касаться здесь этих предметов, в общем, достаточно известных. Остановимся зато с вниманием на обстоятельствах, благодаря которым так неожиданно и круто оказалась прерванной государственная деятельность этого выдающегося правителя и властелина.

Чрезмерное ослабление империи Сефевидов к концу 17-го и полное почти ее разложение в первой четверти 18-го столетия послужило поводом к прямому вмешательству в дела Персии и Кавказа России, только что возведенной, после Ништадтского мира с Швецией в 1721 году, в ранг Империи. В свою очередь персидский поход Петра Первого, искусно и заблаговременно подготовленный, вызвал, как мы уже сказали, такое же «империалистическое» вмешательство Оттоманской Империи. Могущество ее, правда, уже заметно шло тогда на убыль — поэтому то не она, а более молодая, жадная и дееспособная Российская Империя первой и набросилась на «персидское наследство». Но Турция была все же еще настолько сильна, память о временном владычестве ее в Ширване, Тавризе настолько свежа, а влияние на Кавказе, особенно в Дагестане, так прочно, что отстать от России она никак не могла. Обстановка,

следовательно, созрела для войны за персидское наследство между двумя империями, Оттоманской и Российской. Однако, воевать не желал ни Петр, не так давно, во время Прутской кампании 1711 г. против турок едва не лишившийся всех плодов своей Полтавской победы, ни Турция, только что потерявшая по Пассаровицкому миру с австрийской империей и территории, и часть престижа (1718 г.). Теперь им было что делить, свободно, безвозвратно. Вместо того, чтобы драться, они и предпочли поделить между собою персидские провинции. Нашлись европейские державы, заинтересованные в том, чтобы Россия и Турция в данное время не воевали, и чтобы благодаря этому европейское равновесие не нарушалось. Неудивительно, поэтому, что вместо войны за персидское наследство произошел полюбившийся раздел, Россией и Турцией, огромных пространств между Курдистаном и Каспийским морем, все побережье которого, от Дагестана до Астрабата, т. е. Баку, Гилян, Мазандеран и пр., отошло к России, по договору, заключенному в Константинополе, 23 июня 1724 года благодаря добрым услугам и посредничеству французского посла маркиза де Бонак, лично носившегося даже с мыслью о франко-русском союзе.

Благодаря этому соглашению Петр разрешил, в сущности, обе задачи, имевшиеся им в виду, когда он пустился в свое, нелишенное рисков персидское предприятие, а именно: во-первых и во что бы то ни стало воспрепятствовать утверждению Турции на кавказском побережье Каспийского моря, в момент такого ослабления Ирана, а во вторых, самому там утвердиться, в интересах,

главным образом, российской торговли — торговли каспийской, персидской, а может быть (рисовалось ему) и индийской (мираж, мистика «индийской торговли») играл большую роль в политике русского движения на Кавказ и Среднюю Азию в 18-ом веке).

Добилась своего и Турция. В сфере ее властвования или влияния, опять, как уже было в конце 16-го века, отходила Шемаха, Ганджа, Эривань, Тавриз, Урмия и т. д. По телу Кавказа провели, без особых церемоний, демаркационную линию. Ее установили в действительности, на основаниях соглашения 1724 г., к 1727 г.

Прошло немного времени, и вся эта замысловатая политическая постройка рухнула самым плачевным образом. Казавшийся издохшим «лев» Ирана внезапно ожил, зарычал, а потом отбросил одним ударом лапы Россию назад, к северу от Кавказского хребта, а другим — вытеснил из своих владений Турцию (действительность была сложнее, но, в общем, это было так. Обе империи зарвались куда не следовало). Затем, повернув фронт в другую сторону, тот же Иран Надир-шаха удивил мир еще одною неожиданностью: давно невиданным, внезапным набегом на Индостан и ограблением столицы когда-то «великих» Моголов.

Как бы то ни было, в 1724 г. произошел раздел восточного Кавказа между Россией и Турцией. При этом Грузия вообще и, в частности, владение Вахтанга, Карталинния с Тифлисом, были отнесены к доле, т. е. к сфере Турции, хотя Вахтанг и считался союзником Петра в его персидском предприятии (союзничество это, повторяем, было подготов-

лено заблаговременно и закреплено дипломатическим порядком). Напрасно, однако, в этом усматривали какое то специальное вероломство со стороны Петра I. Когда в столкновениях крупных политических единиц «малые» народы или их властители делают, по своим собственным соображениям и побуждениям, или же по необходимости, выбор между борющимися и становятся на ту или другую сторону, они всегда несут связанные с этим риски и никогда не могут быть уверены в том, что выступление их в одном или другом лагере непременно окажется для них выигрышным. Соглашение имеет в виду явно рискованное военно-политическое начинание; оно не удастся, и «малый» оказывается в чувствительном для него проигрыше; нет основания видеть в этом непременно как бы вовлечение его в невыгодную сделку «большим». Во время очень неудачной для России Прутской кампании 1711 г., когда Петр избавился от величайшего унижения лишь благодаря подкупу великого визиря, молдавский господарь Д. Кантемир, ставивший на русскую карту, вынужден был бросить все и — совершенно как Вахтанг в 1725 г. — перейти в пределы России под кровительство императора в сопровождении свыше 1000 своих подданных, главным образом из дворян. Кстати этот самый Кантемир, тоже литератор и ученый, большой знаток восточных языков, сопровождал Петра I в персидском походе. Он даже перевел на турецкий и на татарский языки манифест, объяснявший цели похода. История его была, конечно, известна Вахтангу.

Собственно военного столкновения с Турцией Петр I не только не желал в

1722 г., но, вероятно, и опасался. Настоящей войны не предполагалось и с Персией, совершенно тогда сломленной, притом исключительно по собственной вине, нашествием афганцев (Испаган был ими захвачен после осады и голодовки в октябре 1722 г.) Империя Сефевидов начала разваливаться не с кавказского, а как раз с афганского своего конца. И так сложились обстоятельства, что от Вахтанга ожидали помощи, одновременно, российский император, собиравшийся захватить прикаспийские провинции Персии, и шах Гуссейн, безсильный подавить афганский бунт и устранить угрозу с этой стороны своей столице.

Легко понять готовность Вахтанга, как и соседей его, карабахских армян, тогда пришедших в брожение, воспользоваться случаем, т. е. предприятием Петра Великого и желание их с его помощью избавиться от персидского гнета. Но среди грузинского «шляхетства», как писали в реляциях, не было единодушия. Положение же лично Вахтанга было совершенно особое. Он был, можно сказать, одним из вождей грузинского национального движения, по существу конечно не мирившегося с подчинением Ирану. Он же был, однако, связан с тем же Ираном прочными нитями и в области культуры, и политически благодаря более чем вековой традиции, преобладавшей в доме карталинских Багратионов (см. об этом «Кавказ» номера 35-37, 39-40). Он сам ведь именовался с 1719 г. Гуссейн-Кули-ханом, и считался генералиссимусом персидских войск; отец его Леонъ был верховным судьей Ирана. Дядя — Георгий, он же Шах-Наваз, правитель Кандагара и ряда про-

винций, погибший на своем посту в 1709 г., прославился (спрашивается — для чего?) на весь Иран и Афганистан, также как и брат его, Вахтанга, — Кайхосро, погибший там же в 1713 г. Оберегая целостность государства Сефевидов, эти Багратионы, имея под командою многочисленные и очень ненадежные персидские силы, полагались в действительности лишь на состоявшие при них, сравнительно небольшие, но отборные грузинские отряды. Вот где тратились, и как бесплодно, силы, призванные служить чуждому делу. Но «грузины в Афганистане в первой четверти XVIII века» это тема особая. Другой брат Вахтанга, Ростом, кулар-агаси, т. е. начальник шахской гвардии погиб в Гульнабадской битве около Испагана, решившей участь столицы Ирана (8 марта 1722). Все это было, конечно, чистейшим кондотьерством, и, наверно Вахтанг, собираясь помогать Петру, надеялся избавиться от казавшейся обременительной связи с Ираном. Был он, кроме того в большом негодовании на правительство Ирана, злонамеренно остановившее его военную операцию против лезгин в 1719-1720 гг.

Между тем, подходя к вещам с другой точки зрения, персидское правительство ожидало и требовало помощи для спасения Испагана именно от Вахтанга, полагая, что при одном известии о выступлении посылаемых им войск афганцы уберутся по добру, по здорovu.

Однако, между Ираном и Россией Вахтанг сделал свой выбор, отказав в помощи шах-Гуссейну (еще вопрос, были ли он в силах ее оказать). Но тут выступает на сцену другой Багратион, кахетинский, по имени Константин, 2-ой счетом, он же Мамед-кули-хан, воспи-

танный в Персии (хотя отец его, Ираклий I-ый был в свое время питомцем царя Алексея Михайловича). Как другие члены его дома, и он был правителем Испагана; в 1722 г. вернулся в Кахетию, а в начале 1723 г. (это был ответ Ирана на руссофильскую работу Вахтанга) получил от преемника шах-Гуссейна, Тахмаспа инвестиру на Карталинию с Тифлисом. Не персы, не турки, а именно этот Мамед-кули-хан собственно и вытеснил Вахтанга из Тифлиса, не без помощи наемного отряда лезгин. Возникшая благодаря вмешательству кахетинского Багратиона-шиита (его брат, благовернейший Теймураз был женат на дочери Вахтанга) усобица осложнилась прибытием на границу Грузии турецких войск. Турция повидимому предлагала Вахтангу подданство на условиях, одинаковых с положением румынских господарей, и среди грузин много было сторонников того чтобы «поддаться» на время туркам — до ожидавшегося рано или поздно прибытия Петра в Шемаху. Однако, русский император вернулся из Дербента в Астрахань (4 октября). В Тифлисе об этом узнали с большою тревогою, и весть эта сильно поколебала положение Вахтанга. Тогда же, т. е. в конце 1722 г. началась и распря с кахетинским царем. В этот момент Карталинии и Кахетии непосредственно грозили лишь турки. Сохранился протокол о переговорах Константина с Вахтангом, уже после получения первым от шах-Тахмаспа (сына Гуссейна) прав на Карталинию в самом начале 1723 г. Первый предлагал второму объединиться против общего врага, т. е. в данном случае турок и просил с ним свидания, общая не исполнять шахского указа. Однако,

владельцев искусно рассорили между собой, и из попытки соглашения ничего не вышло. Потом Тифлис был действительно занят Константином (4 мая 1723 г.), сильно при этом потерпев от лезгин, а Вахтанг удалился в Цхинвал, нынешний Сталинир в южной Осетии.

Константин не имел, конечно, возможности, бороться с турками, при разногласии и разброде среди грузин, деморализованных и провалом русской ориентации, и внутренними трениями, и постоянными колебаниями Вахтанга, не знавшего как быть, какой путь избрать — борьбу ли с турками, соглашательство ли с ними или временное удаление из Грузии. Константин сдал Тифлис туркам 10-го июня 1723 г. и удалился в Кахетию (позже, в 1729 г. они его убили). Если не сам Вахтанг, то сначала сын его Бакар, переименованный теперь в Ибрагим-пашу, а затем брат Иссей, ставший на время Мустафа-пашею (кстати, это прямой предок знаменитого генерала русской службы кн. П. Багратиона) остались «сотрудничать» с турецкими военачальниками.

В конце августа 1724 г. Вахтанг, покинув перед тем Грузию и погостив некоторое время в Кабарде, прибыл с огромною свитою — впрочем это не была свита, а целая волна эмигрантов, свыше тысячи — в крепость св. Креста, на берегу Койсу. В 1725 г. он уже в России.

Качеств большого вождя и военачальника он во время всего этого кризиса, правду сказать, не обнаружил. Имея в 1722 г. под своей командой значительное войско, в том числе ополчение, выставленное карабахскими армянами, имевшими особые сношения с Россией, он решительно ничего, в сущно-

сти, не предпринял и ничего не достиг. Впрочем мы не можем касаться здесь подробностей всей этой путаницы. Отметим лишь, мимоходом, что само по себе выступление армян в этих событиях было довольно важным обстоятельством, говорившим об их политическом пробуждении. Еще за сто лет до того, как нам приходилось указывать (см. «Кавказ», № 40) гандзасарский армянский католикос, мечтал о совместном грузино-армянском походе на Тавриз под начальством Теймураза, для избавления христиан от персидского ига. Теперь, в 1722 г., эта мечта осуществилась, т. е. под командою Вахтанга оказались вместе с грузинами и армяне, но из этого мало что получилось. Конечно, и между армянами не было большого согласия, что зависело отчасти и от распри между Вахтангом и Константином. В конце 1722 г. армянский дипломат, вардапет Минас сообщал например Петру I: «Кахет-хан послал от себя роту людей в Вагаршапат и патриарха (это был эчмиадзинский католикос Аствацатур) поймал и 7000 рублей штрафа взял с него». В депеше поясняется, что Мамед-кули-хан владеет и Эриванским «уездом», и что причина гнева его была такова: «что де ты своих армян не наказываешь? почему они шаху изменили и хану? И патриарх ответственвал Маметкули-хану, что де войско (т. е. карабахское) не моей державы (т. е. юрисдикции) и они де меня не слушают, есть де у них патриарх особой» (гандзасарский католикос Исайа). Дальше говорится о посылке «Кахет-ханом» к Вахтангу, которому попутно воздается хвала, брата своего (конечно, Теймураза, Вахтанговзятя) и «верных людей» для примире-

ния и выражается надежда на «замирение» грузинских властителей. Как известно, надежда эта не оправдалась.

Несколько позже карабахские мелики, благодаря несогласиям своим, оказались не в силах помешать даже усиленно известного Пана-хана Джебваншира. Он преспокойно уселся на их спинах, в качестве хана Карабахского, и этим показана была истинная мера их значения в крае.

Большую роль во всем этом замешательстве играли и дагестанцы — владетель казыкумукский Сурхай, Дауд-бег, лезгинский предводитель родом простой крестьянин из Мушкура, Дербентской области (разграбление ими Шемахи в 1719 и 1721 г.г. с причинением убытков русским купцам послужило даже поводом к персидскому походу Петра), а также шамхал Адильгирей. Последний держался определенно стороны Ирана — первый министр шах-Гуссейна, родом лезгин, Фет-али приходился ему родственником. Первые двое вели переговоры и о помощи Ирану против афганцев, и о содействии русскому походу в Персию; на деле, однако, они предпочли воспользоваться добычей в Шемахе и, вообще, в Ширване; держась на всякий случай турецкой стороны. Впрочем Петра их всячески поддерживала, посадив ханом в Ширване сначала Дауд-бега и тем возбудив к нему ненависть казыкумукского владетеля, а потом — Сурхая. Подчинить себе Ширван было главною ея задачей и, подписывая в 1724 г. известное уже читателю соглашение о демаркационной линии, турки могли, конечно, надеяться в следующий раз дойти до Каспийского моря, выбив русских из Дербента и Баку, точно так-

же как Россия могла рассчитывать на вытеснение «в следующий раз» турок в обратном направлении, с помощью грузин и армян. В действительности же ни одна из этих сторон не вытеснила другой, а обе они оказались скоро вытесненными, как читатель знает, тем же Ираном при Надир-шахе. Но это уже другая история.

Позже, когда Рештским трактатом 1732 г. Россия уступила Персии обратно занятая было (с какими жертвами!) провинция по южному берегу Каспийского моря и до устья Куры, было оговорено (ст. 8), что «понеже обще верный ея и. в. (т. е. императрицы Анны Иоанновны) и шахского величества царь Вахтанг грузинский лишен своего владения», то с восстановлением прежнего порядка вещей шах обещает признать Вахтанга в первоначальном его положении. Однако, условие это, хоть подтвержденное Ганджийским трактатом 1735 г., возвращавшим Персии Баку и Дербент, не осуществилось. С возвышением Надир-шаха в Иране, новые люди выдвинулись в Грузии. Персидский поход Петра не имел продолжения, может быть,

из за преждевременной смерти его 28 января 1725 г., а в борьбе Надира за восстановление иранской державы Багратида кахетинской ветви приняли участие, обеспечившее им, в дальнейшем, возможность, еще долгие годы править не без блеска в восточной Грузии. Внук по матери Вахтанга, Ираклий II и явился, в сущности действительным продолжателем его дела.

Вахтанг умер в России с разбитыми надеждами. Он был одним из первых по времени кавалеров ордена св. Андрея Первозванного. Это не могло заменить ему любимой охоты в Караязской степи, как не могла заменить подмосковная (Всесвятск) Тифлиса, а Лысково, Нижегородской губернии, летнего дворца в Коджори.

Его политические неудачи были забыты, запомнились его великие труды на пользу родины. Он прочно, навсегда, вошел в историю, как большой государственный деятель и поборник Грузии, и как крупное явление в кавказской жизни первой четверти XVIII-го века.

3. Авалишвили!

ШАЛВА АМИРЕДЖИБИ.

Чествуемый Илья Чавчавадзе

ТОРЖЕСТВА в ознаменование столетия со дня рождения Ильи Чавчавадзе уже начались в Грузии. Вышел однотомник, содержащий все стихи, поэмы и всю художественную прозу поэта. В книге много портретов, особенно ран-

него возраста писателя. Во главе идет портрет, принадлежащий кисти Гуго Тобашивили, сделанный с поэта в последних годах его жизни. Рисунки же в красках к тексту принадлежат Елене Ахвледиани, художнице в общем инте-

ресной, но на этот раз мало отразившей в своих рисунках пламя и зной чавчавадзевских сюжетов. Однотомник снабжен также критической статьей о художественном творчестве поэта, принадлежащей Ш. Родиани и биографией — составленной Хр. Рачвелишвили. К сожалению в первой слишком ясно «равнение» на режим, вторая не придает ни одной новой биографической черты поэта. Видимо, в советских странах до полного «либерализма» еще далеко.

Одновременно устраиваются доклады. Их прочитано много, и будет прочтено еще больше. Видимо, об их содержании мы узнаем впоследствии — когда они будут напечатаны в какомнибудь специально выпущенном сборнике, пока же пресса воспроизводит только их названия. Судя по этим названиям и их авторам (проф. Ив. Джавахишвили, пр. А. Шанидзе и др.) роль и значение Ильи Чавчавадзе в деле развития грузинской культуры предстанут еще в большем ореоле.

Зато много внимания уделяют газеты «юбилейной» хронике. Печатаются стихо-посвящения советских слагателей чтимому поэту. Особенное внимание обращают на себя стихи самого поэта в переводе на разные языки советских народов, уже появившиеся кое-где в советских газетах.

Это, конечно, отрадно, лестно и не всегда льстиво. Илья Чавчавадзе — поэт возвышенный, глубокий, чарующий, охватывающий слушателя своей властной поэтической думой. В особенности он придется по вкусу, если только можно выразиться так, народам — «частникам» Советского Союза, с их тоской по своей собственной родине, с их протестую-

щими чувствами против того «коллективизма» народов, каковым является этот «Союз».

Но те же переводы могут настроить читателя и на другого рода размышления. Размышления эти чисто литературного характера и касаются самой «организации» этих переводов. Как переводить? Кого переводить? Кому переводить? Это все вопросы, от удачного разрешения которых зависят успех и судьба переводов.

Знание языка переводимого автора, конечно, главное условие этого успеха. Хорошо так же, если переводчик, из любви к тому или другому поэту, по своему влечению, сам берется за перевод. Правда, старая истина, что traduttori-tradittori — иначе говоря, что переводчики почти всегда изменяют авторам, если не сказать, что совсем меняют самых авторов — остается в силе, и литература народов как то свыклась с этим. Но особенно трудно бывает с переводами, когда не переводчики идут к авторам, а поэта влекут за шиворот к незнакомому автору. Тогда эти переводы прямо беда, а в царствование грузина Сталина над Союзом социалистических республик — просто воинская повинность, а не литература. К тому же, наш случай таков, что Чавчавадзе переводят на разные языки поэты явно не знающие грузинского языка.

Конечно, обо всем этом приходится говорить исключительно с целью, снять некоторую долю ответственности с тех любезных переводчиков Чавчавадзе, которые дают не во всем точные переводы поэта.

Тем не менее, среди переводов, попавшихся нам, есть и места удачно ото-

бразившие стих Чавчавадзе. К ним можно отнести перевод главы из поэмы «Ачрдили», созданной поэтом в 1858 году, на заре своего творчества и принадлежащий Б. Брику. Его следует привести:

«Когда то шедшая свободно по дорогам,
Та жизнь великая давно погребена
И, как река, в пути стесненная поро-
гом,
Свое величие утратила она.

Волной бесцельною, то тише, то смелее,
Текла века она, но всюду скорби след,
То в нетерпении бушует, то мелея
Прошла жизнь родины средь радостей
и бед.

Междоусобица коварно подрывала
Уже подмытые сомнением берега,
И раздавался гул нежданного обвала,
Рождая смех в груди злорадного врага.

Тогда река времен волной необозримой
Уничтожала труд картвелов вековой...
Когда ж развалины страны моей роди-
мой
Союз народов узрят боевой?

Когда ж единая душа единой жизни
Вдохнет в Иверию решительный по-
рыв
И рукава всех стран сольет в одной
отчизне,
Притоки разные навек соединив?

Когда же племена Кавказа боевого,
Небес достигшего вершиною крутой,
Раз'единенные, объединятся снова
С единой думою, с единою мечтой?

Когда ж свободы луч расплавит все
оковы,
Тысячелетия томящие людей,
И горестный грузин гордиться станет
снова
Грузинским именем и родиной своей?!

Перевод другого стихотворения Чавчавадзе у Брика начинается так:
Мой стих вам кажется чудесен,
Но я не чуждый соловей,
Не для одних лишь сладких песен
Я послан родине своей.

Это же стихотворение у Ив. Тхоржевского, старого и весьма талантливого переводчика грузинских поэтов, начинается с замечательной точностью:

Я не пою, чтоб петь как птицы,
Петь беззаботно без тревог,
Не для сладчайших струн цевницы
Послал меня на землю Бог.

Ив. Тхоржевский жил в Грузии, знал ее природу и людей, ее историю и поэзию. И лично был знаком с поэтами, стихи которых он переводил. Это, конечно, имело большое значение для точности его переводов.

Среди других встречается и перевод прославленной чавчавадзевской «Элегии»:

Родимый край от сына затаен:
Ни голоса, ни отзыва, — все глухо.
Лишь изредка отчизны спящей стон,
Как скорбный вопль, доносится до
слуха.

Стою один... Хребта крутого склон
Страну мою ласкает тенью...
О, Боже мой! Все сон, и вечно сон...
Когд ж пора настанет пробуждению.

Этот перевод мною взят из одной русской статьи и кому он принадлежит, — не обозначено.

Совсем недурно переведено другое место из того же «Ачрдили», но принадлежит ли перевод Б. Брику или другому, — мне неизвестно:

«Мир грабежа и угнетенья
Уже разрушиться готов,
И распадутся вскоре звенья
Отягочающих оков.

Свободы цель перед собою
Поставил славный наш народ
И вал вселенского приюта
На угнетателей идет.

В своих сомнениях не прав ты:
Уж близок натиск боевой,
И задрожит от нашей правды
Поработитель мировой.

И на тебя былые цепи
Вновь не наденут никогда
И расцветет великолепье
Освобожденного труда».

Известно, что поэму «Ачрдили» этот написал еще до освобождения крестьянства.

Наконец, не как перевод стихотворения Ильи Чавчавадзе, а как посвящение грузинскому поэту, не могу не привести русский перевод стихотворения Азербейджанского поэта Мамед Раги-ма, прочитанного на азербейджанском языке самим автором на торжественном собрании в Тифлисском оперном театре:

«Печальный взгляд ты устремлял на
горы родины своей,
И песнь грусть ты поверял воде и
птичке среди ветвей.
Порой стоял величья полн на высоте
горы крутой,
Следя за бегом быстрых волн Арагвы
и Куры родной.

Ты слушал — стонет Гюрджистан. Ты
жалобе его внимал.

И сердца твоего тюльпан от горя
жгучего завял.

Ты вопрошал, на сад смотря, — чья
эта песня столь грустна?

Народа горе жгло тебя, и в мыслях —
родина одна.

Не осень пела песнь твою, в ней сад
народа весь в цветах,

Твое величье понял я, Газель Закира*)
прочитав.

Два брата вы, своей страны — герои,
славные сыны,

О светлых днях ваш разговор и взоры
к солнцу взнесены.

Но ненавидевшие вас кинжал достали
из ножен.

Рукой преступною в тот час ты в Ци-
крамури поражен.

Судьба охотилась твоя, с ней смерти
коршун за одно.

Цветок лишился соловья. Гнездо его
разорено.

Свою страну, народ любя, — ты их
прославил и воспел.

Илья, не думай, что тебя сегодня
позабыл Картвел:

В душе народа ты живешь, в родной
земле, в родных камнях,

Ты вечно молод, ты цветешь, и это
радость для меня.

То знает родина твоя и знает мой
Азербейджан.

Ты жив и будешь жить, Илья, лучами
славы осиян».

Да... «Цветок лишился соловья». Илья любил эту нашу цветистую восточную поэзию.

Ш. Амирджигби

*) Закир — азербейджанский поэт классик, современник И. Чавчавадзе.

Обзор печати

«КАВКАЗ», КАВКАЗ И ТУРЦИЯ.

Так называется статья г. Д. Марджавишвили, помещенная в последнем номере (№ 4-5) органа грузинских монархистов «Картлоси».

В виду важности затронутых автором вопросов, мы воспроизводим ее целиком. Комментарий к этой статье читатели найдут в нашей переходовой статье.

«Русский сборник «Кавказ», которым руководит г. Г. Баммат и в котором сотрудничает также маленькая группа грузин, давно проповедует ту мысль, что кавказцы и в частности, конечно, в первом ряду грузины, должны чувствовать себя друзьями турок.

«Кавказ» начал с того, что нынешние границы Кавказа объявил окончательными и всякий спор по этому поводу излишним. Для «Кавказа» не существует вопроса ни о Басе, ни об Артвине, ни об Ардагане. Он рассуждает, примерно, так: из соседей Кавказа нашим врагом является — Россия, Турция же — будущий друг. «Кавказ» не решается, конечно, сказать, что Турция является другом и в настоящее время, ибо дружба Турции с советской Россией больше чем известна. Зато «Кавказ» обещает нам, что в будущем Турция должна быть нашим другом, исходя из того, что существование Кавказа как буферного государства в прямых интересах Турции.

Само собою понятно, что подобного рода утверждения относятся к области политических спекуляций, ибо картина сегодняшнего дня рисует нам положение совсем обратное.

Турция совершенно не заинтересована в изменении положения на Кавказе и весьма сомнительно, чтобы она желала этого и в будущем, если, конечно, она, волей-неволей, не будет поставлена перед фактом распада Советского Союза.

Какие же цели преследует эта горячая проповедь «Кавказа» о нашей неизбежной дружбе с Турцией раз эта дружба никоим образом от нас не зависит! Вдохновители «Кавказа» отлично понимают, что грузины не являются ни врагами, ни друзьями Турции и проповедуемая дружба мало от них зависит. Но с Турецкой стороны, ни в прошлом, ни в настоящем, мы не припомним и простого жеста этой дружбы.

Между тем в порыве этого рода горячей проповеди и страстных писаний, сомнительной становится позиция самого «Кавказа».

Дело дошло даже до того, что журнал упрекает грузин, почему они не одобрили «брест-литовский» договор и сразу не передали Турции Батум. Отстаивание подобной тезы предвещает очень скверное будущее и наводит на мысль, что, под видом проповеди дружбы с Турцией, готовится лишь почва, чтобы в новых условиях, Турция снова смогла бы стащить лишний кусок грузинской территории... Мы боимся, что это так... Иначе совершенно непонятно, требовать дружбы только от нас и закрывать глаза на то, что за то же время Турция совершенно запретила грузинский язык в Артвино-Ардаганском округах, а лазский — в Лазистане! Турция не терпит у себя ни одного грузина и изгнала всех эмигрантов.

Все это весьма скверное доказательство тому, что Турция наш будущий друг.

Мы желали бы, чтобы ошибались мы и прав был бы «Кавказ». Но сомневаемся!

«НАРОДНЫЙ ФРОНТ И ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Под таким заглавием Ив. Анисимов посвящает в «Правде» (от 8 июня) статью о французской интеллигенции. Хвала до небес несколько имен, благоволящих к СССР и его «достижениями», автор сейчас же переходит к общению и, захлебываясь от удовольствия, добавляет:

«Одновременно среди французской интеллигенции растет интерес к марксистской теории. Не так давно был издан знаменитый сборник «В свете марксизма... «Марксизм проникает во Францию» — так озаглавил Пьер Жером статью, посвященную этой книге. Виднейшие французские ученые заявили на страницах этого сборника, что марксизм стал их мировоззрением... Все это дало сильный толчок к углубленному изучению марксизма во Франции».

Словом, если поверить «Правде», дело просто: французские интеллигенты начинают перестраиваться по марксистски. Только, вот некоторые «реакционеры», вроде «господина Гренье», или Андре Жида, портят табло. А жаль. Особенно волнует «Правду» «грязная книжка» Жида (об СССР). А то, дело «отпора фашизму» и — главное!! — защиты Советского Союза, находилось бы в надежных руках.

Вероятно автор этой клеветы на французскую интеллигенцию имеет об этой последней такое же понятие, как тот любознательный путешественник, который встретив блондинку на улице одного города, записал в своем карне: «Здесь все женщины блондинки».

ЭРИВАНСКИЕ КОММУНИСТЫ.

Специальный корреспондент «Правды» в Эривани, М. Котляров, телеграфирует этой газете пренеприятнейшую новость: эриванские коммунисты никак не могут, следуя новой формуле шефа, выдать «троцкистов». «Самокритика» у них идет без особых «сенсаций», и товарищи, собравшиеся на «партконференцию», «не делают известных выводов» из настоящего положения вещей (когда всюду ловят «троцкистов» и др. «врагов народа»). Вот как описывает партконференцию товарищ Котляров:

«Конференция проходит в атмосфере сурового преклонения перед раздутым авторитетом местных руководителей. В зале особенно сидит делегация Центрального городского района (секретарь райкома Варкес Вартапетян, в свое время примыкавший к троцкистской оппозиции), которая организовано выкрикивает или реплики одобрения, если оратор хвалит руководство горкома и ЦК компартии Армении, или реплики протеста, если оратор критикует. В этом особое усердие проявляют жена Вартапетяна — Симонян...

На конференции большой привилегией пользуются ораторы «подхалимы», — им увеличивается регламент и даже предоставляется право выступать по несколько раз. Рекорд мелкобуржуазной лести побил известный в Эриване демагог Агабабов. Он вышел на трибуну и на весь зал гаркнул:

— Кто критикует наше славное руководство?

Ему в ответ Симонян и Бабыкян посылают заранее приготовленную реплику:

— Только дашнаки.

В президиуме улыбаются — инсценировка удалась... Зато те, кто не желает петь хвалебные песни, совсем лишаются слова.

Только отдельные смельчаки решаются на серьезную критику горкома... Однако смельчаки за это горько расплачиваются — их беззастенчиво шельмуют, клеймят позорными кличками: «провокаатор», «рупор классового врага» и т. д..

«Рупором классового врага» была названа некая госпожа Гино Шахьян (как видно, женщина в партийной организации Эривани играет довольно активную роль — эмансипация, ничего не поделаешь!), которая

«критиковала подрывителей двурушника Енгигбаряна», «разоблачала примазавшегося к партии дашнака Чубаря, который и поныне почему то находится на посту редактора республиканской газеты, органа ЦК компартии Армении. Этот Губарь являлся за границей с дашнаками, шпионами, которые сейчас арестованы».

Затем корреспондент «Правды» сообщает, что:

«со дня возобновления приема в партию прошло более чем полгода. За это время не принято ни одного человека, зато исключено (только за последний год) свыше тысячи человек».

Наконец, если верить «Правде», сотрудникам местных газет «категорически» запрещено присутствовать на конференции, и работа последней «осуществляется под строжайшей цензурой работников ЦК ВП(б) Армении».

Но вот еще обстоятельство, которое возмущает корреспондента «Правды» и, думаем, особенно интересно отметить:

«Эриванская организация живет и действует в условиях пограничной республики. И поэтому здесь тем более преступно забывать о капиталистическом окружении. Секретарь горкома Дашизлян ухитрился в своем четырехчасовом докладе ни слова не сказать о состоянии оборонной работы. Больше

того, вплоть до последнего времени во главе руководства преподаванием военных дисциплин в вузах Армении стоял бывший военный министр дашнацкого правительства генерал Араратов, приспешники которого открыто и спокойно продолжают его дело до сих пор».

Мысль выражена довольно осторожно. Но кто способен читать между строк, тот поймет в чем дело. Во всяком случае, те из кавказских политиков, которые «ужасно заволновались» одно время перспективой «замены русских войск на Кавказе турецкими в случае чего-то», могут теперь вздохнуть с облегчением: большевики не собираются покидать Кавказ!

С другой стороны, те политические деятели приграничного «капиталистического окружения», которые так рьяно держатся за дружбу с Советами, как с «наиболее миролюбивым правительством существующим в Московии», должны так же открыть глаза на козни, кои замышляет Москва в «приграничных республиках».

«БРДЗОЛИС ХМА» О «ФРЕНТЭ ПОПУЛЯР»

«Майский» номер меньшевицкой «Брдзолис Хма» получился особенно праздничный. Почти каждая колонна газеты убрана флагом «френтэ популяра».

Главными и самыми важными аксессуарами этого пышного убранства являются конечно майские «обращения» II Интернационала и «международной федерации синдикатов», к «рабочим всего мира».

«В этот торжественный день, говорится в воззвании II Интернационала — мысли и надежды Социалистического Интернационала обращены в сторону героической борьбы рабочих и республиканцев Испании.

Когда какой нибудь народ борется за свое экономическое и политическое освобождение, дело его становится общим делом для всех народов, его победа или поражение влияют и на судьбу других. Эта истина, о которой Социалистический Интернационал напоминает постоянно, никогда не была так ясна, как ныне: возстание испанских генералов и грубая интервенция объединенного фашизма, обратившая возстание испанских генералов в международную войну, определяет и международный характер борьбы всемирной демократии с фашизмом.

Затем воззвание в обычном демагогическом тоне таких посланий, поясняет какая разница между «узостью взглядов реакционного национализма» и «идеологией» рабочего класса и зовет его на борьбу с фашизмом:

«Интернационал вызывает к испанским рабочим и борющимся там иностранным волонтерам, выражает им братскую солидар-

ность и восторг по поводу их героической борьбы, а рабочих всех стран призывает оказать испанским борцам всю возможную моральную и политическую помощь. Да здравствует свободная Испания! Да здравствует международный социализм!»

Таков призыв II Интернационала, который «Врьдзалис Хма» печатает на первой странице и которому, конечно, газета сочувствует от всего меньшевицкого сердца.

Непонятно только одно: как эта старая меньшевицкая потаскуха сочетает любовь к русским и иным большевикам в Испании с заверением, что в Грузии она ведет «доблестную борьбу» против большевизма.

Впрочем это и есть то болото мерзости и пошлости, в котором грузинские меньшевики топнут повседневно и о чем мы не устаем кричать.

В том же духе составлен и призыв «Международной федерации синдикатов».

Вести с родины

«ЧИСТКА» правительственного аппарата и партии, предпринятая в СССР со времени «троцкистских заговоров» идет полным ходом по всей стране, как в центре, так и в периферии. В центре удаляются главным образом люди, подозреваемые в «недостаточном рвении» по отношению к «великому Сталину», не говоря уже о несчастных «спецах», которым по техническим условиям не удается выполнить «план». В периферии кампания «чистки» дает лишний повод агентам Москвы навсегда покончить с «беспокойными» местными элементами

в лице националистов, продолжающих мечтать об их подавленной Россией независимости или же «национал-уклонистов» которые хотя и коммунисты, но стремятся тем не менее освободиться от московского захвата и противодействуют руссификаторской политике и денационализации, проводимой большевиками под вывеской «интернационализма».

**

В Армении заканчивают ликвидацию «партикуляризма», в свое время

руководимого Ханджяном, секретарем центрального комитета коммунистической партии, с тех пор кончившим «самоубийством». Арестовывают всех у кого были более или менее длительные сношения с Ханджяном, и т. к. трудно и даже невозможно в советской иерархии не иметь контакта с первым персонажем республики, число преследуемых достаточно велико. Преследования касаются главным образом интеллигенции, в частности писателей. Их обвиняют «в контр-революционных» националистических тенденциях, они ничего не сделали для «социализма», не достаточно славословили Сталина, — значит, они опасны с точки зрения идеологической. Таковы дела Ванандеци, Норенца, Симоньяна, Халатьяна, Хачерьяна, Бакунца и др.

**

В Азербейджане арестовываются — в свое время очень деятельный коммунист Рухула Ахундов, один из руководителей «культурного фронта», Х. Зайналли, этнограф, фольклорист, профессор Чобан-заде, лингвист, которого обвиняют в «туркизации» языка... к тому же тюркского (азери), Таги-заде, также лингвист, Шахбази, бывший комиссар народного просвещения, писатели Талибли, Али Рази, А. Джевад, которому ставят в вину, что его имя цитировалось в эмигрантском листке, Гуссейнов, Али Назим и др. Немало их коллег, в том числе Алекберли, председатель Ассоциации азербейджанских писателей, были уведомлены, что если они не переменят «позиции», то подвергнутся участи предыдущих.

Больше всего «чистка коснулась специалистов, работающих в нефтепро-

мышленности. Приводят десяток имен инженеров, арестованных за «саботаж»: известно, что план первого триместра этого года далек от выполнения и что Азербейдженфть «должна государству», т. е. Москве более миллиона тонн нефти.

Наконец, Гепеу распространил свою чистку вплоть до центрального исполнительного комитета «независимой» республики Азербейджана, ведь мы накануне введения в жизнь Конституции, «самой демократической в мире». Но любопытно: чистка коснулась только туземных членов этого высокого собрания; действительно, среди 13 человек, «устраненных по большевицки», нет ни одного ни русского, ни еврея — а между тем их там достаточно, — убраны 12 азербейджанцев и 1 армянин.

Таким образом, мало по малу, теряет смысл термин «шовинизм господствующего народа», который, впрочем, был изобретен лишь как предлог для «изобличения» «местного национализма».

**

Что касается Грузии, где орудует Берия, доверенное лицо Сталина, то здесь «троцкизм» выдвигается лишь для того, чтобы прежде всего освободиться от конкурентов более или менее опасных для самого Берия. По примеру своего московского шефа, Берия, который «самодержавно» управляет всем Закавказьем, ликвидирует «оптом» старых большевиков, когда-то соратников Ленина и Сталина, теперь уже вышедших из моды. Таким образом Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Торошелидзе, Чикладзе, Кикнадзе и многие другие деятельные грузинские меньшевики, которые в свое время столько содейство-

вали восстановлению русской власти в Грузии, находятся теперь в заключении в качестве «агентов-троцкистов», «японо-германских шпионов» и «врагов народа». Берия их обвиняет в стремлении оторвать Закавказье от Советского Союза и в «создании с помощью противосоветских сил независимого Грузинского государства под протекторатом капиталистических держав». Другие заслуженные коммунисты — Горошелидзе, Квирквелия, Меладзе, Агнияшвили и проч., — которые пробовали протестовать против ареста их «товарищей», называя приемы Берия «чекистскими», подверглись той-же участи.

Как видно из этого, знаменитая большевистская «самокритика» имеет точно ограниченные пределы: перейти их, это рисковать тюрьмой и даже худшим.

Бывшие народные комиссары Курулов, Матикашвили, Сабашвили, Ницкалава, Мегрелишвили, Жгенти и проч. также исключены из партии и ожидают своей очереди последовать за предыдущими. Они обвинены в «добрых отношениях» с «врагами народа».

Репрессии также коснулись грузинских писателей — все тот же вопрос «идеологии» и «местного национализма». Среди них находится писатель Буачидзе, «вина» которого заключается в том, что он был председателем грузинского отделения знаменитой РАПП (Ассоциации Пролетарских Писателей), которая возглавлялась «троцкистом Авербахом. Такова характерная для большевиков логика.

По тем же мотивам преследуется писатель Радиани. Травят систематически поэтов и писателей Яшвили, Джавакиш-

вили, Мицишвили, Шеварнадзе, Гамсакурдия, Чиковани, Бибинешвили, Каладзе, Талаквандзе, Кикодзе, Нарушвили, Теодошвили, Робакидзе и проч., которым предписывается изменить позицию под угрозой знакомства с Гелеу. Председатель Ассоциации Грузинских Писателей Торошелидзе, удаляется со своего поста, из партии и из Ассоциации, уверяют, что и он арестован. Наконец, арестован «саботажник» Ахметели, директор театра Руставели.

Среди арестованных «спецов» называют Джикиа, директора «Храмжес», Дობадзе, директора Чиатурского треста марганца; этого последнего обвиняют в том, что он находился на службе иностранной контр-разведки... с 1917 года. Правда заключается в том, что на «промышленном фронте», дела со введением обязательной «стахановщины» идут неважно и обнаруживаются «провалы», как в гидроэлектрических предприятиях, так и в марганцевой промышленности. Арестован также главный инженер треста Лордкипанидзе, за «саботаж» разумеется.

Не говоря о более мелких «спецзах», арестованы также директора угольного и нефтяного треста Хвелидзе и Эбакидзе, Розенцвейг, директор Закавказских железных дорог и его помощники Дандуров и Энче.

Наконец, дело дошло до Кутаисского муниципалитета: мэр и его помощники в тюрьме; официальная версия: плохое управление делами. Однако ж вне всякого сомнения Берия и Сталин, пользуясь случаем, хотят искоренить всякую тень оппозиции, как в настоящее время, так даже и на будущие времена.

«Чистка» ведется также и на Северном Кавказе, в Дагестане, Чечне, Ингушетии и по всей территории бывшей республики Северного Кавказа. Здесь преследуются главным образом элементы, оказывающие оппозицию насильственной руссификации края. Шовкринский, Астемиров, Хан-Магомедов и их коллеги, стоящие во главе культурного фронта Дагестанской республики находятся в тюрьме; предлог — связь с «троцкистом» Лелевичем, известным этнографом, знатоком языков и литературы народностей северного Кавказа. В этой же республике арестованы недавно Саидов, комиссар Земледелия и

его сотрудники, которые оказывали сопротивление насильственной коллективизации земель горцев, расположенных в горных местностях. В Ингушетии и Кабарде, Москва распорядилась арестовать высших местных чиновников, которые оказывали сопротивление иммиграции русских семей. Этим фактом нанесен был удар положению местных секретарей центральных комитетов партии. Поговаривают уже о немилости в какую-то впасть знаменитый Бетал Калмыков в Кабарде и Самурский в Дагестане, хотя этот последний работает по мере сил, содействуя руссификации, предпринятой Москвой. Но русские хозяева становятся все более и более требовательными.

ХРОНИКА

Новый состав бюро ЦК партии Грузии.

Новое бюро Центрального Комитета партии большевиков Грузии, избранное пленумом ЦК «закрытым» и даже «тайным» голосованием, состоит из следующих лиц:

А. Агрба, Г. Арутинов, Л. Берия, В. Бакрадзе, А. Геурков, С. Гоглидзе, В. Деканозов, А. Кекелия, Г. Мгалоблишвили, Ф. Махарадзе, Г. Стуруа, как члены.
М. Гобечия, В. Гогешвили, Е. Бедия, А. Гиладзе, как кандидаты.

Секретарями были «избраны»: Л. Берия, В. Бакрадзе и А. Кекелия.

В Неаполе.

Персидский посланник в Италии Е.П. Махмуд Сейд, посетил 25 мая «Королев-

ский Институт Востоковедения» в Неаполе. Посланнику был оказан горячий прием, а его доклад о современной Персии вызвал горячий интерес. М. Сейд, бывший генер. консул в Тифлисе и в России, говорит по-грузински; он посетил также «Галиентто дель Коказо», интересуясь типами Кавказа, картографией и изданиями о Руставели.

— Состоялась последняя (XII-ая) публичная лекция (26-го мая) о Грузии и Риме, сопровождавшаяся иллюстрациями на экране. Граф Б. Барбиеллики, друг Кавказа, изложил слушателям свои воспоминания о Кавказе и настаивал на большом значении изучения этого края для востоковедения вообще. С будущего года лекции будут регулярные (по четвергам), бесплатные и публичные.

Библиография

Жизнь и творчество Мамик-Кемалю, турецкого писателя и поэта

Только что появившийся в печати 6-ой номер Ревю де Тюрколожи» целиком принадлежит перу известного профессора и турецкого историка Риза Нура. 700 с лишним страниц турецкого текста с резюме на французском языке — посвящены великому турецкому поэту и идеологу конца 19-го столетия Намик Кемалю. Редко какому человеку удавалось обладать столь разнообразными познаниями как Намик Кемалю. Его произведения, поэтические и прозаические, касаются буквально всего — истории, литературы, социологии, политической экономики, юрисдикции, филологии, морали, дидактики, критики и т. д. Будучи журналистом он помещал также множество статей в разных турецких газетах. Его театральные произведения, его романы производили впечатление не только в Турции, но и по всему миру. Турецкий народ, подчеркивает проф. Риза Нур, сохранил благодарную память об этом человеке, ибо Кемаль, будучи великим патриотом, страстно любил турецкую нацию. Чтобы иметь представление об его значении, надо ознакомиться с портретом его, который дает проф. Риза Нур.

Среди театральных его произведений, читателям «Кавказа» следует указать на историческую и национальную турецкую трагедию в 15 актах «Джелал-эддин Кхарезм Шах» в виду прямой ее связи с глубинами нашей собственной истории.

Герой этой трагедии Джелал вступает открыто в борьбу против могущественного Чингиз-Хана.

Появившись в Каире в 1292 г. (по хезиру) пьеса эта длиною в 276 страниц, кончается смертью Джелала в Курдистане. Некоторые пассажи этого произведения достигают божественного совершенства, являя пример храбрости, патриотизма и морали.

«Акиф-бей» — драма любовная в 5 актах. Эта пьеса напечатана была в Стамбуле в 1326 году (хезир). Герой пьесы, пишет Риза Нур, по имени Акиф бей, любит Диль-Руба, проститутку, которая становится его женой. Главные персонажи — уроженцы и нотабли Чороха (Чурук-су) около Батума.

Между Турцией и Россией объявлена война. Акиф, капитан турецкого флота, взрывает свое судно, чтобы оно не попало в руки русским, которые только что сожгли турецкий флот под Синопом. Весть об этом событии доходит до Чороха. Диль Руба пользуется этим случаем, чтобы при посредстве двух лже-свидетелей объявить о смерти мужа своего Акифа. Это дает ей возможность выйти вторично замуж. Но судьбе было угодно, чтобы в день ее свадьбы Акиф живой и здоровый, ничего не подозревающий о происшедших событиях и страстно любящий свою жену, вернулся на Чорох. Акиф застаёт всю семью в полном праздничном сборе. Он стреляет в жену, но ранит ее нового мужа, который в свою очередь кидается на Акифа и закалывает его кинжалом. Оба па-

дают, смертельно раненые, в то время, как отец Акифа, присутствовавший при этой сцене, мстит за родного сына и убивает Диль-Руба.

Есть еще одно произведение захватывающего для нас интереса, — место его действия — Кавказ. Это Джемми, исторический роман, посвященный турецко-персидской войне; к несчастью, он не закончен. Первый том появился в Стамбуле в 1335 году. Джемми, герой романа, — сын одного спаи, храбрый, ловкий наездник, к тому же еще и поэт. Он поступает волонтером на службу в турецкую армию. Храбрость Джемми отмечена; он несколько раз побеждает персиян, повышается в чинах и становится адъютантом и личным другом Эддемира Оглу Осман Паши, который в это время командовал войсками около Тифлиса и Ширвана. Его подвиги вознаграждаются также дружбой с Адиль Гиреем, наследником Крымского трона, который прибыл с армией на Кавказ, для усиления турецкой армии.

Адиль Гирей, человек также большой отваги и одновременно также и поэт, попадает пленником к персам и отправляется в Казвин.

Шах Тахмасп, властитель Персии, имеет красавицу дочь, по имени Перикхан. Сын Тахмаспа, Ходабендэ наследует отцу, у него есть жена по имени Шахриар. И вот тут то и завязывается драма.

Перикхан и Шахриар обе влюбляются в Адиль Гирея. Шахриар подвергает его заключению во дворце. Соперничество этих двух женщин осложняется политическими интригами. Адиль

Гирей отдает предпочтение Перикхан, которая сунитка, как и он сам; они сговариваются убить Шаха, пожениться и объявить себя властителями Персии, подняв восстание при помощи Турции. Шахриар шиитка, хочет также убить шаха, чтобы овладеть Адиль Гиреем или бежать с ним. За это время, Адиль Гирей запросил подмоги у Джемми, которая подоспевает. Но Великий Визирь Персии, узнав, что готовится, сам вызывает возмущение и убивает их. Джемми обращается в бегство.

Этот исторический роман считается лучшим образчиком произведений Намик Кемалья. В чудесных словах он воспеваает патриотизм, храбрость, любовь к свободе, мораль и идеальное единение суннитов и шиитов, которые слишком долгое время были раз'единены. Прибавим к тому, что пьеса Намик Кемалья, «Ватан» (Родина) имела большой успех в Азербейджане, до того большой, что русские власти ее запретили.

Как не отметить напоследок чудесное произведение «Руа» (Мечта), которым наши угнетенные Москвой народы могли бы не без пользы вдохновиться. Намик Кемаль описывает появление феи, феи свободы, которая, обращаясь к поработанному турецкому народу, рисует ему блага свободы, ужасы тирании и тирана, который управлял тогда Турцией. Произведение это, сообщает нам Риза Нур, читалось исподтишка, в особенности в школах Турции, во времена султана Абдул Гамида II; оно чрезвычайно содействовало подготовке революции 1908 года.

Баксан.